

Сергей Абашин
Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук (Москва)
s-abashin@mail.ru

Культурные процессы и транскультурные влияния в современной Центральной Азии

Вопросы и цели настоящей записки

О чём настоящий текст? Каковы амбиции её автора? Предварительные пояснения должны сформировать у читателя определённые ожидания и предупредить возможные разочарования.

Главная моя цель – дать объёмную характеристику состояния дел в культуре центральноазиатских обществ после обретения независимости государствами региона и описать основные существующие тенденции, которые здесь определяют культурные процессы и транскультурные влияния в долгосрочной перспективе. Меня интересуют такие темы, как культура и изменение политического ландшафта, институциональная среда культуры, культура и образование, культура и язык, культура и этнические меньшинства, культура и религия, рынок культурных продуктов, культура и бизнес, культура и глобализация. Мои вопросы: как советский опыт «культурного строительства» используется и трансформируется в современных национальных странах Центральной Азии, какие ограничения накладывает на культурное производство политическая ситуация и экономические возможности в этих странах, как взаимодействуют процессы изоляционизма и глобализации, какие изменения несёт с собой исламизация общества, какой потенциал на будущее имеет светская, европейского типа культура, кто является основными акторами в культурном пространстве региона. Эти вопросы, возможно, кажутся слишком общими, но без их осмысления и обсуждения любые попытки понять суть происходящего в более узких секторах культурной жизни заведомо обречены на неудачу. В «аналитической записке» предлагается также ряд общих рекомендаций для работы международных организаций в культурной сфере в Центральной Азии.

Чего в записке нет? В мою задачу не входит подробное описание ситуации и прогнозы по каждой стране. Я не могу претендовать на исчерпывающий обзор всех культурных сфер, событий, персон, артефактов. Многие мои выводы имеют вид гипотезы или предположения и не являются результатом специального, монографического изучения. Я воздержусь от комментариев по каким-то конкретным проектам. Слишком короткие сроки для подготовки и написания настоящего текста – 2 месяца – и изначально самая широкая постановка задачи не предполагали более детального исследования отдельных культурных институтов и направлений.

Настоящая работа, таким образом, не является «энциклопедией» культуры Центральной Азии. Это всего лишь шаг к тому, чтобы приподняться над текущими проблемами и вопросами и взглянуть на то, что происходит с культурой в целом в этом регионе. Всё сказанное по этому поводу является личной точкой зрения автора и не отражает какого-то коллективного мнения.

Некоторые допущения

Прежде чем начать разговор по существу темы я сделаю ещё несколько допущений в отношении основных понятий, которые вынесены в её заголовок.

Первое понятие – *культура*. Наверное, это самое популярное и поэтому самое неопределённое понятие, которое существует в гуманитарном знании. Грубо можно выделить два его толкования: широкое – культурой называется любая нормативная и ценностная практика, узкое – культурой называется производство (как правило, профессиональное и специализированное) эстетического мира. Это различие в понимании кажется сугубо операциональным, но за ним в действительности стоит проблема неясности предмета для анализа и рассуждений. Можно ли рассматривать «культурные процессы» и «транскультурные влияния» в отрыве от всей совокупности политических, экономических и социальных факторов и как в то же время не утонуть в море всей этой проблематики, как выделить вопросы для обсуждения и сформулировать возможности поиска ответа на них?

Второе понятие, которое нуждается в уточнении, – *Центральная Азия*. Если даже брать одно из его определений, которое включает бывшие азиатские республики СССР (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), то и в этом случае оно включает в себя очень сложное, гетерогенное пространство с очень неясными границами. Речь идёт не только об очевидном отличии стран региона друг от друга с точки зрения политического режима и силы власти, экономической мощи, темпов и характера развития в постсоветский период, исторического опыта, культурного потенциала, символических ресурсов и т.д. Речь идёт также о многообразии условий и стратегий внутри каждой страны, обусловленных наличием определённых социальных, этнических, религиозных групп и сообществ. Не будут ли любые обобщения в рамках понятия «Центральная Азия» или даже в рамках национальных границ скрывать все такого рода различия и нюансы?

Наконец, я хочу сделать третье допущение о возможностях того небольшого исследования, которое представлено на суд читателей. Любая экспертиза региона или явления ограничена той позицией, *откуда* смотрит эксперт, является ли он внешним или внутренним резидентом какой-то страны, его профессиональным (дисциплинарным) опытом, интересами, предпочтениями, его доступом к информации и мнениям¹. К этому

¹ Автор является антропологом и в течение 20 лет проводит исследования в Центральной Азии. Настоящий доклад написан на материалах собственных наблюдений, а также многочисленных бесед с деятелями культуры, учёными, жителями региона. Значительную помощь в сборе информации и подготовке доклада оказал учёный и литератор Евгений Абдуллаев (Узбекистан).

можно добавить неравномерное распределение данных по разным странам и проблемам, закрытость многих источников.

Все эти три допущения ставят рамки, в которых я вижу своё право говорить на указанную в заглавии тему, и одновременно задают те позиции, с которых возможна неизбежная и законная критика моего текста по поводу его «неполности», «субъективности», «схематичности» и т.д.

Краткая история

До завоевания региона Российской империей центральноазиатское общество было полностью включено в мусульманский мир, местная культура развивалась под сильным влиянием ислама, мусульманских представлений об эстетике и этике, испытывало на себе арабское, иранское, османское и другие влияния. Степень этого влияния была различной в разных районах и группах, и во многих местах, особенно среди сельского, горного и кочевого населения, сохранялись локальные формы культурного производства, которые порой значительно отличались от общемусульманских образцов.

На рубеже XIX-XX вв. центральноазиатское общество, которое к этому времени было включено в состав Российской империи, стало знакомиться с элементами светской и европейской культуры, которые приходили в регион непосредственно с российской властью и русскоязычным населением. Многие элементы светской культуры осваивались через общение с другими мусульманскими сообществами (татары России, Персия, Британская Индия, Османская империя), которые также вступили в период трансформации своих социальных, политических и культурных практик под сильным влиянием европейских держав. В это время развивается светское образование, возникают местные формы театра и нерелигиозной литературы, проникают новые моды, вкусы, представления.

Установление на пространстве Центральной Азии советской власти привело к наиболее радикальным и драматическим изменениям в культурных процессах. Массовые репрессии среди местной элиты, в том числе деятелей культуры, ожесточённые гонения на многие мусульманские и локальные практики сопровождалась в то же время масштабным внедрением в жизнь центральноазиатского общества светских и европейских форм культуры, быстрой вертикальной социальной мобильности, распространения грамотности, более открытого допуска в политические, научные и культурные элиты прежде маргинальных групп и классов, прежде всего женщин. Обобщая эти изменения, можно выделить, не претендуя на исчерпывающий характер, следующие направления:

- была создана мощная и дорогостоящая государственно-институциональная база воспроизводства культурных практик – обязательные образовательные программы, специализированные школы и высшие учебные заведения, музеи, театры и кинотеатры, киностудии, профессиональные сообщества с существенными льготами и т.д. с широкомасштабным включением практически всех групп населения;

- хотя культурный процесс был тесно связан с идеологией и пропагандой, жёстко и придирчиво контролировался партийной верхушкой и регулировался, в том числе финансировался, государством, он постоянно «перерастал» установленные ему границы и производил культурные формы и содержания далеко за пределами идеологии и пропаганды;
- согласно официальной формуле «национальные по форме, социалистические по содержанию», культурные практики были введены в национальные рамки; через создание национальных республик (союзных и автономных) и стимулирование национального самосознания были институциализированы «национальные культуры», которые имели светский характер и европейские формы выражения, нетрадиционные для региона;
- в новых национальных рамках были восстановлены, переработаны и сохранены многие досоветские и дороссийские артефакты искусства, архитектуры, литературы и т.д.; некоторые элементы прежних мусульманских и локальных практик получили легитимность в виде фольклорной, этнической культуры;
- была проведена русификация значительной части культурных практик и культурной элиты, русский язык стал не просто языком культурного общения, но и языком приобщения к светским, европейским и мировым достижениям культуры; в регионе появилась большая и влиятельная во всех сферах русскоязычная община;

...Глубинная перестройка всей социокультурной системы: переход от холистской к индивидуальной парадигме, смена социокультурного типа личности и механизмов социокультурного контроля. Именно этот переход и определял истинное содержание культурной революции, через которую должны были пройти в ходе модернизации почти все районы и народы СССР. ... У населения таких частей СССР, как Средняя Азия и Закавказье... рост уровня образования, заметные перемены в образе жизни, в повседневном бытовом поведении сочетались с сохранением традиционной социокультурной основы и поэтому не требовали глубинного внутреннего напряжения всего общества. Кризис традиционализма назревал постепенно, по мере накопления социокультурной новизны, здесь в середине XX века пик раскола и раздвоения, маргинализации населения был еще впереди.

Вишневатский Анатолий. Серп и рубль. М.: ОГИ,

- в советское время, которое предложило масштабную программу тотальной культурной интервенции в центральноазиатское общество, возникла довольно большая, хорошо образованная, ориентированная на светские, европейские (и российские) достижения культуры социальная прослойка с высоким социальным статусом;
- в культурном производстве сложились самые разнообразные школы и направления – от классического (в духе «советского реализма») до авангардного; местная культура симбиотически сочетала в себе европейские, русские и местные (оседлые, кочевые и пр.) корни и

стили, она была в целом периферийной, основанной на заимствованиях, но и одновременно вполне самостоятельной, зрелой;

- советский проект культурных преобразований остался незавершённым, значительная часть населения Центральной Азии, несмотря на достаточно эффективную интервенцию со стороны советского режима, оставалась за рамками культурных процессов в столицах и городах, жизнь в сельской глубинке сохраняла многие старые привычки и опыты, непонимание и отторжение европейской и русской культуры.

Я хочу подчеркнуть, что все эти процессы по-разному, с разной глубиной и интенсивностью, протекали в тех или иных республиках Центральной Азии. В Казахстане и Кыргызстане русскоязычная, светская культура оказала наиболее сильное влияние на представления и практики, существующие в обществе, а в Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане этому влиянию подверглось в основном городское, прежде всего столичное, население.

Постсоветское состояние. Общие соображения

Распад СССР привёл к существенным сдвигам в культурных процессах и транскультурных влияниях. Можно сказать, опять же не претендуя на всесторонний анализ, о нескольких путях постсоветской трансформации.

Во-первых, это легитимация бывших национальных советских республик в качестве самостоятельных национальных государств. Власть пытается сохранить государственный контроль за культурой как инструментом идеологии, что заставляет её пытаться сохранить все советские институты. При этом новая идеология опирается на идею «возвращения к аутентичным/ собственным корням» и идею «возвращения в большой мир». Вопрос состоит в том, как понимать «аутентичные корни» и какие ссылки на «большой мир» окажутся приемлемыми для постсоветских элит. В зависимости от того, какая дискуссия по этому поводу разворачивается и какие ответы формулируют власти, в каждом государстве формируется своя политика памяти и забвения, конструирования и заимствования.

Во-вторых, это сужение влияния государства и расширение сферы частного культурного производства. При всех своих амбициях контролировать и направлять культурные процессы в обществе, нынешние власти стран Центральной Азии не имеют ни соответствующих материальных ресурсов, ни чётко артикулированных целей, ни понимая культурных процессов. Созданная в советское время инфраструктура культуры оказалась избыточной для новых режимов. Это является причиной того, что культурное производство в целом стало во многом результатом частной активности и даже самовывживания с минимальным вмешательством и поддержкой государства. За государством остались лишь функции финансирования и поддержки отдельных культурных проектов с явно идеологическими задачами.

Несмотря на то, что эти изменения протекали в каждой стране по-разному, можно выявить несколько общих тенденций:

- демонстративный отказ от прежней коммунистической доктрины (как идеологической основы культурной политики), поиски новых идеологических альтернатив – при сохранении, в целом, советской модели руководства культурой и ее основных институтов (и самого бюджетирования культуры по «остаточному» принципу);
- резкое сокращение государственных ассигнований на развитие культуры, вызванное экономическим спадом, особенно в начале 1990-х; вызванные этим отток кадров из культурной сферы и коммерциализация культуры, особенно в сфере досуга/развлечений;
- рост национализма и традиционализма в культурной сфере; постепенная – как целенаправленная, так и стихийная – дерусификация (сужение сферы применения русского языка в культуре);
- допущение – в большей или меньшей мере – неофициальных, альтернативных течений в литературе и искусстве – при достаточно слабом протестном потенциале, замкнутости на узких элитарных группах; углубление водораздела между массовой и элитарной культурами.

Краткая характеристика по странам

Казахстан. Наиболее полиэтничное (с 45% не-казахского населения) государство региона (Табл. 1), с наибольшим по региону процентом русскоязычного населения, в том числе и среди титульной нации. Несмотря на достаточно авторитарный тип руководства, в стране, наряду с государственными, действуют и поддерживаются частные культурные инициативы.

Табл. 1. Население Казахстана (по данным переписи 1999 г.)

	Численность лиц данной национальности, чел.	
		%
Все население	14953 126	100
Казахи	7 985 039	53,4
Русские	4479618	30,0
Украинцы	547 052	3,7
Узбеки	370 663	2,5
Немцы	353 441	2,4
Татары	248 952	1,7

Уйгуры	210339	1,4
--------	--------	-----

В стране действует 48 театров, 62 концертные организации, 154 государственных музея, 8 историко-культурных заповедников-музеев, 2259 учреждений клубного типа. Среди театров: 2 – театра оперы и балета, 33 – драматических, 4 – музыкальной комедии, 4 – юного зрителя, 5 – театров кукол; национальная компания Казахфильм им. Ш. Айманова В Казахстане 3539 библиотек с библиотечным фондом 115,4 млн. единиц; создан также Центр по выявлению и приобретению национальных книжных раритетов, а также реставрации книг и древних рукописей при Национальной библиотеке Республики Казахстан. Основная часть национальных культурных институтов находится в Алматы, в последнее десятилетие интенсивно развивается культурная инфраструктура г. Астаны, где работает Национальный театр оперы и балета имени К. Байсеитовой, построены и введены в действие Президентский центр культуры и Национальная академическая библиотека Республики Казахстан.

Действует Союз писателей с 5 межобластными секциями; выпускает журналы «Жулдыз» - на казахском и «Простор» - на русском языках). Другие литературные объединения: Пен-клуб Казахстана, общественный благотворительный фонд «Мусаетт», объединение молодых писателей «Среднеазиатский литературный фронт». Литературные премии: Алаш (премия СП Казахстана), им. Ю. Казакова (Пен-клуба), Тарлан (премия Клуба меценатов Казахстана).

С 1997 г. под патронажем президента Н. Назарбаева проводится международный фестиваль творческой молодежи «Шыбат» (Вдохновение). Существует Клуб меценатов Казахстана (хотя по оценкам респондентов, он слишком афилирован с властными структурами). Ежегодно проводится национальный конкурс «Астана-Байтерек».

В правительстве существует Министерство культуры и информации (<http://www.sana.gov.kz>). Культурная сфера регулируется законами «О культуре», «Об охране и использовании историко-культурного наследия», «О национальном архивном фонде и архивах», а также Программой развития сферы культуры на 2006-2008 годы.

Подписаны соглашения о сотрудничестве в области культуры с 49 странами и международными организациями. Среди международных организаций, осуществляющих в Казахстане проекты в сфере культуры – Фонд Сороса, голландский фонд Nivas, Фонд Эберта, Росзарубежцентр и др.

Кыргызстан. Основной правительственный орган, осуществляющий политику в области культуры, – Министерство культуры и информации (<http://www.minculture.gov.kg>), который был воссоздан после «революции» 2005 г. (до этого существовал в качестве отдельного департамента Министерства образования). В Кыргызстане существует Институт искусств и Консерватория. Государственные инициативы в области культуры: программа «Маданият» (1997-2000), образовательная программа «Билим». Действуют также профессиональные союзы – Национальный Союз писателей, Бишкекский Пен-Центр, Союз кинематографистов, Союз художников и т.д. Кроме того, имеется 577 клубных учреждений, 32 государственных музея, 1010 государственных библиотек, 8

картинных галерей, 20 театров, из них 9 в г. Бишкеке. Фонды: Фонд Меерим, Фонд им. Толомуша Океева, Фонд Ч. Айтматова и др. Имеется киностудия Кыргызфильм. Издаются литературные журналы: «Литературный Кыргызстан», «Литературная Азия», «Курак».

Бишкек не раз становился центром ряда региональных проектов. С 2001 года действует Центральноазиатская академия литературы, осуществившая ряд совместных проектов по объединению писателей региона (выпуск альманаха «Все мы, Азия, твои дети» и автопроезд «Караван дружбы»); в 2003 г. создана Центральноазиатская академия искусств.

Табл. 2. Население Кыргызстана (по данным переписи 2000 г.)

	Численность лиц данной национальности, чел.	
		%
Все население	5 000 000	100
Кыргызы	3 333 275	66,9
Узбеки	703 971	14,1
Русские	530 572	10,7
Дунгане	55 866	1,1%
Уйгуры	48 647	0,9
Таджики	45 062	0,9
Казахи	41 817	0,87

Таджикистан. Одно из наиболее бедных государств Центральной Азии. Основную часть населения составляют таджики, наиболее крупное этническое меньшинство – узбеки (Табл. 3).

Табл. 3. Население Таджикистана (по данным переписи 2000 г.)

	Численность лиц данной национальности, чел.	
		%
Все население	6127,5	100
Таджики	4898,4	80
Узбеки	936,7	15,3
Русские	68,2	1,1
Кыргызы	65,5	1,1

Значительный ущерб культуре Таджикистана был нанесен в результате гражданской войны и её последствий в 1990-е годы. Кроме непосредственных разрушений объектов культуры, образования долгосрочное негативное воздействие оказал отток из страны значительной части образованного населения и интеллигенции; маргинализация

значительной части населения, резкое сокращение государственных субсидий на культуру. Кроме того, в Таджикистане, в целом, значительно сильнее сказалось влияние исламизации на различные сферы культурной жизни.

В таджикском правительстве существует Министерство культуры (<http://www.kultura.tj>). Культурная политика регулируется специальным законом «О культуре» от 13 декабря 1997 года. В сфере культуры действуют: 1 018 клубных учреждений, 39 государственных музеев, 24 народных театра; 36 ансамблей песни и танца, 15 государственных театров и 6 государственных концертных учреждений. Имеется 1 368 государственных массовых библиотек с общим фондом 12,5 млн. книг. Имеется Союз писателей (издает журнал «Памир»). Среди других неправительственных культурных организаций – «Пушкинское общество», созданное под эгидой Совета российских соотечественников Таджикистана; Фонд им. З. Шахиди, издающий журнал «Фонус».

Профессиональным образованием в сфере культуры и искусства занимаются два высших учебных заведения: Таджикский государственный институт искусств им. М. Турсунзаде (1 069 студентов) и Таджикская национальная консерватория (206 студентов). В сфере среднего образования: 6 специализированных колледжей (1 034 учащихся), 2 республиканские средние школы-интерната (707 учащихся), 2 лицея при колледжах (178 учащихся), 79 музыкальных и художественных школ искусств (9 747 учащихся).

Правительством подписаны соглашения по сотрудничеству в области культуры с Кувейтом, Российской Федерацией, Беларусью, Узбекистаном, Ираном, Китаем, Германией и Арменией. Кроме того, в Таджикистане в сфере культуры активно действуют Фонд Агахана, Фонд Сороса и др. Ряд мероприятий по культурному обмену проходит в рамках обществ дружбы (с Россией, Китаем, Ираном и др.).

Туркменистан. Эта страна – наиболее изолированное от внешнего мира государство в Центральной Азии. Все процессы, контакты, обмены жёстко контролируются властью, при этом вся система управления построена в виде подчинённой иерархии во главе с президентом. От личных вкусов и представлений главы Туркменистана зависят любые реформы и изменения в сфере культуры.

В 2003 г. на базе Министерства культуры было создано Министерство культуры и телерадиовещания. В 1993 г на базе Института искусств были созданы два Института – Консерватория и Туркменский Государственный Институт Культуры (ТГИК), в котором кроме специалистов для музеев, там на других кафедрах готовят артистов для театра и кино. В Консерватории готовят музыкантов как по современным инструментам, так и национальным. В стране существует несколько театров разного профиля, музеи и другие культурные институты, ассоциации, точный список которых, к сожалению, установить не удалось.

Табл. 4. Основные этнические группы Туркменистана (по оценкам 2005 г.¹)

¹ Достоверной статистики о численности и составе населения Туркменистана в настоящее время отсутствует. См.: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit08.php>

	Численность лиц данной национальности, чел.	
		%
Все население	5000000	100
Туркмены		81
Узбеки		9
Русские		3,5
Казахи		1,9
азербайджанцы		0,8
татары		0,8
белуджи		0,8
армяне		0,7

Узбекистан. Культурная политика в Узбекистане достаточно жестко контролируется Президентом и определяется его личными вкусами; тем не менее, этот контроль ограничивается преимущественно, архитектурой и монументальной скульптурой, а также массовыми видами культуры (эстрада и т.д.) и кинематографией. Основной государственный орган – Министерство по делам культуры и спорта (<http://madaniyat.sport.uz>); сколько-нибудь значимые государственные фонды¹ и премии (за исключением Государственной – в области культуры и искусства) отсутствуют, равно как и частые фонды / премии – в силу неразвитости института меценатства. Исключением является Фонд культуры и искусства Узбекистана, которым руководит дочь президента Г. Каримова. Большая часть НПО, действовавших в этой сфере (в настоящее время большая часть из них закрыта), оказывали поддержку народным ремеслам и кустарным промыслам. С советского времени сохранились основные творческие союзы: Союз композиторов, Союз художников, Союз писателей; печатными изданиями последнего являются литературные журналы «Шарк Юлдузи» (на узбекском) и «Звезда Востока» (на русском языке). Министерством культуры и спорта издаются журналы «Мозийдан садо», «Театр», «Гулистон», газета «Узбекистон адабиети ва санъати» (Литература и искусство Узбекистана)).

В составе объединения «Узбектеатр» работают 37 профессиональных театров и ряд театров-студий, из них: 1 театр оперы и балета на двух (узбекском и русском) языках, 7 драматических (из них 3 русских), 14 музыкальных и музыкально-драматических (из них 1 русский, 1 каракалпакский), 4 молодежных театров и театр юных зрителей (из них 1 русский, 1 каракалпакский), театр кукол – 10 (из них 1 каракалпакский, 4 двуязычных (узбекско-русских)). Кроме того, действуют театры-студии «Ильхом», «Аладин», «Мулокот», «Эски мачит», «Турон» и другие. В Узбекистане действуют 85 государственных музеев, из них – 10 художественных музеев, 31 литературный музей, 3 крупнейших музея-заповедника: Самаркандский, Бухарский и Хивинский («Ичан-Кала»).

¹ В составе творческо-производственного объединения «Узбектеатр» создан фонд «Артмадад», в составе объединения национального танца «Узбекракс» - фонд им. Мукаррам Тургунбаевой.

Таблица 5. Основные этнические группы Узбекистана (по данным 2005 г.)

	Численность лиц данной национальности, чел.	
		%
Всего	25427,9	100
Узбеки	20133	79,2
Русские	1053,5	4,1
Таджики	1237,4	4,9
Казахи	977,8	3,8
Каракалпаки	549,2	2,2
Татары	275,4	1,1

В 2004 году в стране было 5735 библиотек (общий фонд – 57,9 млн. экземпляров); Национальная библиотека им. Навои с фондом 10 млн. экземпляров является крупнейшей в ЦА. Однако с 2006 г. в связи с реформой библиотек и преобразованием их так. наз. «информационно-ресурсные центры», число библиотек значительно сократилось.

Ныне в республике по этим направлениям существует начальное (музыкальные школы и школы искусств), средне-специальное (специальные музыкальные академические лицеи, колледжи искусства и культуры) и высшее (консерватория, институт культуры, институт искусства, высшая школа национального танца и хореографии) образование. В системе Министерства по делам культуры действуют 311 музыкальных школ и школ искусств, 25 средне-специальных и 4 высших учебных заведений.

Наиболее значимые культурные инициативы – музыкальный фестиваль «Ильхом-90» (куратор – композитор Д.Ф. Янов-Яновский; перестал проводиться в 2004 г.) и Ташкентский открытый фестиваль поэзии (кураторы – литераторы С. Янышев, В. Муратханов, С. Афлатуни; с 2001 г. прошло шесть фестивалей); также проводятся фестивали видеоарта, рок-фестивали, авторской песни («Осенний аккорд») и т.д.

Основным зарубежным донором в сфере культуры в конце 1990-х – начале 2000-х были Фонд Сороса и IREX; после 2003 г. культурные акции поддерживаются отдельными агентствами ООН (ЮНЕСКО, ПРООН и др.), Программой по культуре и искусству Швейцарского бюро по сотрудничеству, отдельными посольствами (США, России, Германии, Японии, Франции и др.), Институтом Евразийских исследований (Россия) и т.д.

Культура и изменение политического ландшафта в регионе

Проблемы культуры нельзя рассматривать вне контекста вопросов, как складываются отношения власти и доминирования, влияний и сопротивлений.

Крайне политизированная модель культурной организации (и даже самоорганизации) в советском обществе фактически минимизировала любые не-государственные, не-санкционированные и политически «нейтральные» формы бытования культуры. Восприятие культуры как некоего «надстроечного» компонента над экономическим (а в действительности – политико-административным) «базисом»; рассмотрение культуры как чего-то вторичного от «идеологии» (с которой она, культура, однако нерасторжимо связана и выражением которой она является) - все эти представления, в советский период индоктринированные десятилетиями, продолжают сохранять свое влияние в культурной политике государств Центральной Азии.

Политические элиты центральноазиатских государств в значительной степени унаследовали советские подходы к культурной политике. Вплоть до конца 1990-х гг. они были заняты преимущественно решением острых экономических проблем и постепенным стратегическим укреплением собственных режимов; вопросы культуры были отодвинуты на второй и даже на третий план. С начала 2000-х гг. режимы почувствовали себя достаточно консолидированными; острые последствия экономического кризиса в целом также были преодолены. Тем не менее, появившиеся финансовые ресурсы, как и в советский период, расходуются не на поддержку и развитие культурных инициатив, а на различные идеологические «проекты».

Формирование консервативных идеологий, копирующих риторические фигуры и методы прежней советской пропаганды – процесс, происходящий – с большей или меньшей интенсивностью – во всех государствах Центральной Азии. Как и в советский период, главным идеологом этих выступает глава государства, который является автором многочисленных статей и книг. В 2000-2001 гг. почти все президенты выступили с провозглашением идеологических программ – «национальной идеологии» в Казахстане,

Разумно было бы ожидать, что так же, как в экономике с ее многообразием форм деятельности и собственности, в культуре и культурной политике будет взято направление на формирование этнокультурного плюрализма, культурной толерантности, многообразия культурных проявлений, создания многокультурного общества. ... Однако, похоже, в новых независимых государствах такая задача, хотя и постоянно декларируется на государственном уровне, в официальной культурной политике в полной мере не ставится. Напротив, налицо противоположная тенденция — создавать культуру, основанную на мононациональных, моноэтнических основаниях и притом архаизированного типа. ... Процесс архаизации культуры и различных форм общественной и личной жизни захватил всю территорию Средней Азии и Казахстана.

Александр Джумаев. Найдем ли мы себя в потоке перемен? // Дружба народов, 2008. № 4.

«идеологии национальной независимости» в Узбекистане, «Рухнома» («Книги духа») в Туркменистане, труды со своей идеологической интерпретацией истории своих народов написали президенты Таджикистана и Кыргызстана. В Узбекистане обязательное изучение трудов Президента было введено на всех уровнях системы образования, а в хокимиятах (органах местной власти) появилась должность заместителя хокима, курирующего вопросы идеологии. Стал особенно очевиден традиционализм «идеологии национальной независимости». В 2001 г. узбекский лидер И.А. Каримов обозначил в качестве одной из

главных целей «идеологии независимости» сформировать «у нашего народа... идеологический иммунитет», «заполнение вакуума, появившегося в результате отказа от старой идеологии, новой – идеологией национальной независимости, чтобы активно противодействовать попыткам проникновения чуждой идеологии и деструктивных идей в Узбекистан»; перед «работниками духовно-просветительской сферы» была поставлена задача «совершенствования и утверждения принципов идеологии национальной независимости в сознании людей»¹.

Вообще, обращённость новых центральноазиатских «национальных идеологий» в прошлое, навязчивое стремление к интерпретации и мифологизации событий древности – одно из характерных проявлений традиционализма и консервативности этих идеологий. Безусловно, «ресурс истории» активно эксплуатируется с этой целью всеми современными политическими режимами, особенно теми, которые получили недавно государственную независимость. Однако в современных государствах Центральной Азии, и в Узбекистане не в последнюю очередь, он почти полностью заслонил другой, не менее существенный компонент политического дискурса – национальную стратегию развития на будущее. Хотя недостатка в политических обещаниях в государствах Центральной Азии не испытывается, однако они, как правило, относятся к неопределенно-отдаленному будущему² – по сравнению с которым даже предельно отдаленное и мифологизированное прошлое, к которому апеллируют центральноазиатские президенты, выглядит живее и конкретнее. Соответственно, среди культурных объектов политические режимы большее внимание уделяют сооружению памятников древним и средневековым героям, созданию или пере-оформлению музеев истории и т.д.

Отрыв от русской культуры и русского языка, государственная поддержка исключительно национальных видов и жанров искусства, реформа алфавита, стагнация издательской деятельности, неприятие основной частью общества новых и модных тенденций в искусстве, отсутствие арт-критики как жанра в СМИ и на ТВ, отсутствие открытых конкурсов и фестивалей (кроме тех, что проводятся на деньги западных благотворительных фондов или на иные грантовые средства), игнорирование или формальный подход к проблеме чтения детей и взрослых – и многое, многое другое говорит о том, что этим государствам не нужны культурные, образованные, думающие граждане. Такими сложнее управлять, такие и вправду могут потребовать демократических ценностей, свобод и прав.

Сказанное не означает, что новая идеология центральноазиатских государств – лишь некая слегка подновленная новой, полутрадиционалистической–полулиберальной, риторикой, модификация советской идеологии. Воспроизведение прежней советской идеологической системы с её масштабным взглядом на исторические процессы и огромным модернизационным пафосом создания «нового общества» и «нового человека» невозможно хотя бы из-за отсутствия тех финансовых, организационных и кадровых ресурсов, которыми располагала

советская власть.

¹ Каримов И.А. Предисловие к работе «Идея национальной независимости: основные понятия и принципы» // За процветание Родины – каждый из нас в ответе. Т.9. Ташкент: «Узбекистон», 2001. С.204, 205.

² Например, «*buuyuk kelajak*» (великое будущее) – в Узбекистане, «Казахстан 2030 год» - в Казахстане и т.д.

Институциональный аспект: Разрушение/ сохранение советской системы руководства культурой

Культурная инфраструктура, доставшаяся странам Центральной Азии в наследство от советского времени, несёт на себе печать «советского проекта», который предполагал постепенное приобщение местного населения к русским и европейским стандартам культуры, включение национальных культур в общее светское пространство по западным образцам. В эту инфраструктуру входили многочисленные музеи, театры, кинотеатры, библиотеки, тысячи сельских «клубов культуры» и т.д. с сотнями тысяч сотрудников, масштабными закупками экспонатов, реквизитов, оборудования, книг и пр. Советский проект был амбициозным и требовал больших финансовых и политических усилий. Современные государства Центральной Азии не имеют ни таких амбиций, ни таких политических и финансовых возможностей. Культурные институты, созданные в советскую эпоху, оказались явно избыточными для молодых национальных стран.

Центральноазиатские власти, попавшие в тяжёлую экономическую ситуацию в 1990-е гг., вынуждены были существенно сократить финансирование культурной инфраструктуры и сосредоточить внимание лишь на её наиболее престижных с политической и символической точки зрения элементах. Однако слабые попытки полностью избавиться от обязательств по сохранению этой инфраструктуры наталкивались на сильное сопротивление местной культурной элиты и давление международного сообщества, которое видело в этом отказ от светского (прозападного или пророссийского) принципа построения государства и нарушение прав разных категорий населения. Ни в одном из

Методы управления культурой в Узбекистане изменились с советского времени довольно незначительно. Почти каждый аспект культурной сферы, от кружков по шитью в сельском доме культуры ... до репертуара государственного Театра оперы и балета находится в ведении Министерства по делам культуры. Подавляющее большинство профессиональных артистов, музыкантов, художников в стране зависят от государства в плане средств существования. До сих пор преобладает советское понимание того, как следует развивать культуру (со стороны государства) и с какой целью ее следует использовать (идеологически). Инновации в сфере культуры все еще редки из-за все более ограниченных финансовых ресурсов, сохранения власти унаследованных от советской власти институтов, и незначительности альтернатив советскому дискурсу нации и идентичности.

Laura L. Adams. Invention, institutionalization and Invention in Uzbekistan national culture, European Journal of Cultural Studies, 1999, Vol. 2 (3). p.364.

государств нет собственной разработанной стратегии или политики в сфере культуры, и главное, у правящих элит нет никакого заметного желания подобные стратегии разрабатывать. Кое-где сфера культуры была отдана на попечение фондов, руководимых родственниками президентов – женой бывшего руководителя А. Акаева в Кыргызстане, дочерью И. Каримова в Узбекистане.

Единственной страной, которая решила на частичную реструктуризацию советских

культурных институтов, была Туркмения. В 2001 г. туркменский президент С. Ниязов, подвергнув критическому обзору деятельность театрально-музыкальной сферы, решил

сократить число театров, объединив их, и значительно уменьшить их штат. Была установлена государственная разрядка на число новых постановок. Эти изменения, в том числе ликвидация Театра оперы и балета и Эстрадно-циркового центра, были преподаны как отказ от форм культуры, не соответствующих туркменским традициям, и поворот к национальным корням. Это звучало в выступлении Ниязова так: «...Среди нас есть люди, отдающие предпочтение музыке зарубежных композиторов... Конечно, кто спорит, необходима и классика. Но пусть её слушают любители. Мы же турмены, имеем собственную национальную музыку, и она должна стоять на первом месте...»¹. Преемник Ниязова, новый туркменский президент К. Бердымухаммедов, однако, восстановил эти институты, принимая во внимание давление международного сообщества.

Власть вынуждена была сохранить всю культурную инфраструктуру советского времени, но перестала вкладывать инвестиции в её модернизацию, развитие и поддержание прежней социальной функции. Фактически все институты культуры перешли на автономное существование с очень слабым контролем со стороны государства. Многие культурные фонды, производственные и выставочные площадки, социальная инфраструктура оказались в полном владении чиновников и были использованы – иногда легально, иногда нелегально – для получения личных доходов и для самостоятельного поддержания институтов в рабочем состоянии.

Многие «дома» и «дворцы культуры» по всему региону были закрыты, их инвентарь распродан, а сами здания приватизированы и использованы для коммерческих целей. Значительно сократилось книгоиздание и книготорговля. С начала 1990-х резко упали тиражи книжной продукции (эта тенденция сохраняется); резко выросли цены. Из-за этого новые книги стали фактически недоступны; основная книжная торговля в 1990-е шла через букинистические магазины (куда сдавало свои домашние библиотеки эмигрирующее русскоязычное население) – т.е. основным источником чтения становилась устаревающая печатная продукция. С начала 2000-х гг. увеличился завоз российской книжной продукции, большая часть которой представлена развлекательной и учебной литературой; кроме того, цены на российские книги крайне высоки по отношению к средней покупательной способности центральноазиатского населения. При этом если в позднесоветское время почти в каждой республике имелись специализированные книжные магазины, реализовавшие книги на европейских языках, то в настоящее время таких магазинов нет; практика закупа таких книг через интернет-магазины пока не развита. Появившаяся в последние годы возможность доступа к литературе через интернет отчасти восполняет этот дефицит, однако, как это будет показано ниже, этот вид чтения доступен весьма ограниченной группе населения.

Большой ущерб был нанесен библиотечной системе. Из-за отсутствия ресурсов на закупку новых книг из-за рубежа и сокращения внутреннего книгоиздания, фонды библиотек фактически не пополнялись современной литературой; кроме того, эти фонды даже зачастую сокращались из-за ухудшения условий хранения, и продажи части фондов самими сотрудниками библиотек. В Узбекистане значительная часть фондов была уничтожена распоряжением правительства – книги и журналы, в которых фигурировало

¹ Демидов С.М. Постсоветский Туркменистан. Москва: Наталис, 2002, С.114.

слово «социалистический» и другие советские реалии; а с 2006 г., в связи с реформой библиотечной системы, начато «укрупнение» библиотек, в результате которого уничтожаются многие городские и районные библиотеки, а здания, в которых они размещались, занимаются бизнес-структурами.

Коммерциализация средств массовой информации привела к резкому сокращению места для освещения культурных новостей и событий в СМИ. Изменилось и качественное наполнение этого компонента: из него почти полностью исчезли те «элитарные», «престижные» жанры, которые доминировали в позднесоветское время: концерты классической музыки, оперы и балеты, театральные постановки и телеспектакли, литературные вечера, специальные образовательные программы для школьников и т.д. Даже там, где телерадиовещание жестко контролируется государством, основной массив «культурной» информации составляют традиционные жанры.

Как заметил мой анонимный туркменский корреспондент, «Регресс столь очевиден и ступор настолько массовый, что даже гипотетическое изменение властной парадигмы уже не сможет оживить засохшее дерево национальной культуры. Ее перспективы – частично сохраниться в этнографических музеях или вовсе угодить в некий мировой паноптикум, если принять во внимание те причудливые формы, в которые выродились некогда традиционные виды творчества, в том числе и народного, под сильнейшим давлением тоталитарной идеологии... Собственные цели любого деятеля культуры в вышеописанной ситуации сводятся если не к эмиграции (в т.ч. внутренней), то к выживанию любым доступным ему способом.... Основная часть интеллигенции либо меняет ранее приобретенную профессию, либо приспосабливается к установившимся нравам и вкусам, обслуживая главного государственного заказчика. Но этот путь бесперспективен, т.к. ориентирован исключительно на конъюнктуру. Вместо творческого процесса идет его имитация, появляется эрзац-искусство, вполне удовлетворяющее запросам дня, но совершенно не способное не только сказать какое-либо новое слово, но и удержаться на том уровне профессионализма, который был достигнут к 80-м годам прошлого века».

Культура и кризис образования

Проблемы развития культуры самым тесным образом связаны с проблемами образования. В наследство от советского времени современным центральнoазиатским государствам досталась система непрерывной подготовки в начальной, средней и высшей школе по предметам культуры (литература, искусство, музыка и т.д.), система внешкольного образования (детские центры творчества, конкурсы художественной самодеятельности), а также сеть специализированных средних и высших учебных заведений, готовивших молодых людей к профессиональной деятельности в сфере культуры.

Вся эта система по инерции была сохранена в независимых странах, которые не решились на радикальный отказ от неё, несмотря на то что необходимость такой инфраструктуры идеологически им была не очень понятна.

Более того, в некоторых странах эта система даже расширялась. Например, в Кыргызстане в четыре раза увеличилось число высших учебных заведений. В Узбекистане в средних профессиональных учебных заведениях на начало 2006/2007 учебного года на специальностях в сфере культуры (искусство и кинематография) обучалось 25 тыс. учащихся (2,5% от всех учащихся); число средних специальных, профессиональных учебных заведений в этой сфере с 2001 г. выросло более чем 1,5 раза (с 21 до 35), а число учащихся в них – в 3,5 раза (с 7,1 до 25 тыс. человек)¹. Это объясняется во многом общим демографическим ростом населения и числа абитуриентов соответственно. Перевод части образования на платную (контрактную) основу также стимулировал многие образовательные учреждения расширить как список услуг, так и число студентов, что, однако, происходило нередко в ущерб качеству образования и преподавательским возможностям.

Тем не менее, в целом финансирование и престиж такого рода учреждений падали, качество обучения снижалось. Причиной этого, кроме низкой зарплаты преподавателей и вызванного этим оттока квалифицированных преподавательских кадров, является резкое

Конечно, наш вуз на особом положении, его и государство финансирует, и международные организации иногда поддерживают. Но если говорить в целом – налицо кризис. Больше половины преподавателей – пенсионного возраста. Старшее поколение еще дорабатывает до пенсии, а молодежь особенно не стремится ему на смену, поскольку низкие зарплаты. Плата за обучение для студентов-«контрактников» постоянно повышается, а прием на бюджетной основе сокращается год от года. Почти не обновляется библиотека. Сокращаются часы, отводимые на специальные предметы за счет увеличения общеобразовательных и «идеологических».

М.А., преподаватель вуза, Ташкент

падение социального престижа «дипломированного специалиста». Хорошее образование перестало рассматриваться как гарантия получения престижной или хотя бы просто адекватно оплачиваемой работы. С другой стороны, для получения действительно качественного образования даже там, где оно бесплатно, требуются все более высокие косвенные расходы – на приобретение учебной литературы, дополнительных занятий на платной основе и т.д. Хорошее образование становится все более затратной и все менее окупаемой «инвестицией», позволить себе которую могут либо

очень обеспеченные люди, либо те, кто надеется вернуть себе вложенные инвестиции за пределами страны проживания. Многие учебные учреждения нередко не имеют должной базы для предоставления качественного образования; значительно возросли, особенно в Узбекистане и Таджикистане, коррупция и взяточничество в системе образования. Отсутствие в Узбекистане и Туркменистане частных колледжей и университетов, жесткий административный контроль и индоктринация учащихся в государственных учреждениях также способствуют росту стагнационных процессов в сфере образования.

Негативно на развитии культуры сказался тот факт, что разрушились постоянные связи с Россией и другими регионами бывшего СССР. В советское время выходцы из Центральной Азии имели возможность при государственной поддержке повысить свою

¹ Подсчитано на основании: Начальное и среднее образование в Узбекистане: Статистический сборник. ПРООН, 2007.

квалификацию в образовательных учреждениях Москвы, Санкт-Петербурга и других городах, в том числе постоянно происходил обмен специалистами между самими центральнoазиатскими республиками. Те специальности, которые не имели своих местных кадров, пополнялись приезжими из-за пределов Центральной Азии. После распада СССР вся образовательная система оказалась замкнутой в национальных границах, возможности повышения своего образовательного уровня резко уменьшились, многие специальности оказались без своей собственной образовательной базы. В Таджикистане и Кыргызстане существуют российские университеты, в Узбекистане – филиалы московских высших учебных заведений, но несмотря на российское финансирование, в них преподают местные кадры по местным стандартам. В Узбекистане и Кыргызстане существуют также небольшие западные университеты, но они доступны для узкой элитной группы учащихся. Количество студентов, получивших возможность обучаться за рубежом – по грантам или самостоятельно – крайне незначительно и охватывает лишь несколько отраслей (как правило, экономику, право и социальные науки), кроме того, многие, отучившись за рубежом, там и остаются. Объясняется это, не в последнюю очередь, тем, что государственные органы, как правило, не делают преференций для выпускников западных университетов при найме и карьерном продвижении (в то время как при Союзе диплом российского вуза открывал перед его обладателем «зеленую улицу» для карьерного роста).

В целом вместе с общим снижением качества образования значительно снизилась доля гуманитарного обучения. Для детей и подростков сфера культуры перестала быть престижной, дающей хорошую карьеру и жизненную перспективу. Общая атмосфера ориентирует молодёжь на те профессии, в которых можно получить высокие заработки или доступ к властным ресурсам. Система образования в странах Центральной Азии не воспроизводит многих специальностей, необходимых для того, чтобы культурные институты и целые направления могли продолжать своё существование в новых национальных рамках.

Культура и язык

Одной из основных тенденций в культурных процессах является постепенная дерусификация политического и культурного пространства Центральной Азии, которая началась с момента провозглашения языков «титulyных» наций государственными. Этот процесс протекает в разных странах с разной степенью интенсивности и с разной степенью поддержки со стороны власти.

В Казахстане и Кыргызстане, а также среди столичного и городского населения Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, русский язык до сих пор сохраняет свои позиции – не только среди русских и русскоязычных жителей, но и среди представителей местной элиты местного происхождения. Русский язык остаётся важным фактором получения качественного образования, высокооплачиваемой работы, высокого социального статуса. Русский язык, даже не имея формальной поддержки, сохраняет важные позиции в сфере науки и культурного производства.

Табл. 6 Численность населения, владеющая русским языком в государствах Центральной Азии (2004 г, тыс. чел) ¹.

Государство	Общая численность населения	Число активно владеющих русским языком				Число пассивно владеющих русским языком	Число не владеющих русским языком
		Всего		в том числе: считающих русский родным			
		тыс. чел	% всего населения	тыс. чел	% всего населения		
Казахстан	15 100	10 000	66	4 200	27	2 300	2 800
Кыргызстан	5 000	1 500	30	600	12	2 000	1 500
Таджикистан	6 300	1 000	16	90	1,5	2 000	3 300
Туркменистан	4 800	150	3	100	2	900	3 800
Узбекистан	25 000	5 000	20	1 200	5	10 000	10 000
Итого	56 200	17 650	31,5	6 190	11	17 200	21400

Тем не менее, система преподавания русского языка постепенно приходит в упадок, а сфера его практического бытования неуклонно сужается. Данный процесс имеет целый ряд последствий. Возникает непроницаемая граница между русскоязычным и не

О каком сохранении и развитии русского языка может идти речь, если русскоязычное население в Узбекистане стремительно стареет, поскольку большая часть русскоязычной молодежи стремится уехать из страны?

З.В., Преподаватель Национального университета Узбекистана.

говорящим по-русски населением, первая группа перестаёт оказывать влияние на вторую, последняя же в свою очередь всё больше требует от власти и элиты говорить на местных языках. Вся

светская и европейская культура, которые многие десятилетия культивировались среди населения с помощью русского языка, становится ещё менее доступной для большинства людей, поле их возможностей и доступ к информации, знаниям уменьшаются.

Кроме того, существенный ущерб культурно-языковым и образовательным механизмам нанесло поспешное и непроработанное провозглашение перевода национальных языков латинский алфавит в Туркменистане и Узбекистане. Хотя первоначально латинизация алфавита мыслилась как «западный» проект – как отмечалось, например, в узбекском законе о ее введении, она «направлена на создание благоприятных условий, ускоряющих всесторонний прогресс республики и вхождение ее в систему мировой коммуникации»², – на деле она привела к обратным результатам. Значительный массив переводной литературы с европейских языков, опубликованный в советское время и имеющийся в библиотеках Узбекистана и Туркменистана на русском и «кириллических» узбекском и туркменских языках, из-за перехода обучения на латиницу становятся все

¹ Данные приводятся по: *Арефьев А.* Как это будет по-русски? // Эксперт. Спец. выпуск. 25-31 декабря 2006 г. С. 86.

² Преамбула Закона «О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике» от 2 сентября 1993 г.

менее доступным для учащихся. Часто звучат жалобы на сложность письменной коммуникации между представителями разных поколений – молодежью до 25 лет, умеющей писать только на латинице, и представителей среднего и старшего поколения, продолжающими пользоваться кириллицей. Причем такие трудности решаются, как правило, за счет овладения молодежью – наряду с латиницей – дополнительно кириллицей.

Культура и этнические меньшинства

Национальные рамки идеологии, в которых оказалась культура центральноазиатских государств, поставили в сложное положение культурные практики этнических меньшинств, так или иначе (по языку, религии и пр.) расходящихся с «титульной» нацией. Они потеряли свой политический и официальный статус, даже если эти меньшинства насчитывают миллионы человек и составляют до четверти (например, русские в Казахстане) граждан. Единственной формой легитимного их существования стали «национально-культурные сообщества» без какой-либо заметной государственной поддержки со стороны государства. Только в Казахстане статус чуть выше – Конгресс народов. В Узбекистане с советского времени сохранилась каракалпакская автономия, которая имеет самостоятельные псевдогосударственные институты.

На мой взгляд, традиционная национальная культура в этих странах вытесняет и довольно скоро вытеснит окончательно все остатки русской культуры, пришедшей в страны Средней Азии через русскую политику и русский язык. А значит – и те европейские начала, которые транслировались и в русскую культуру с Запада. Дольше всего процесс будет проходить в Казахстане – очень много русских и других национальностей, представители которых традиционно избирают языком межнационального общения русский.

Лилия Калаус, книгоиздатель, Казахстан

Культурные практики этнических меньшинств оказались в основном в негосударственной сфере, под влиянием частных предпринимателей, международных организаций и активистов-

энтузиастов. Это избавило их от идеологического контроля и руководства, позволило им развиваться более спонтанно, более гибко реагировать на спрос рынка. В целом, представители этнических меньшинств не сталкиваются с серьезной дискриминацией в осуществлении своих культурных прав. Как, например, показало социологическое исследование, проводившееся по данной проблематике в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, более половины респондентов – представителей этнических меньшинств признали обеспеченным право на культуру (52 % - в Таджикистане, 52,5 – в Казахстане, 63,7 % - в Кыргызстане)¹. На вопрос: «Какие конкретные меры будут содействовать культурному развитию нацменьшинств?» мнения представителей национальных меньшинств разошлись (Табл. 7)²

¹ См.: Доклад по региональному проекту «Мониторинг соблюдения прав национальных меньшинств и анализ их участия в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни в странах Центральной Азии». ОФ «Центральная Азия: Мир и Согласие» ОФ «ИРЭТ» ИАЦ «Община в развитии». Астана: 2005.

² Там же.

Табл.7. «Какие конкретные меры будут содействовать культурному развитию нацменьшинств?»

	Кыргызстан	Казахстан	Таджикистан
возможность изучения родного языка и общения на нем	24,68%	14,67%	18,20%
возможность распространения знаний о культуре своего народа	19,19%	10,67%	22,20%
поддержка обычаев и традиций	26,61%	37,00%	16,20%
увеличение СМИ нацменьшинств и ее продукции на родном языке	14,68%	12,33%	23,80%
поддержка государством национально-культурных центров	13,06%	22,00%	32%

Тем не менее, полное или частичное сворачивание государственной инфраструктуры гарантий и поддержки, явное и неявное давление со стороны власти, узкое пространство, которое представлено этническим меньшинствам в публичной и официальной сфере являются дискриминационными факторами. Национальные культурные общества, созданные с санкции власти, имеют явную тенденцию к превращению в инструмент идеологической и административной манипуляции со стороны государства. Например, в Узбекистане все национальные культурные центры должны «координироваться» со стороны так. наз. Республиканского Интернационального культурного центра (РИКЦ) – своего рода министерства по делам этнических меньшинств. Выступая механизмом государственного контроля и мониторинга за деятельностью национально-культурных центров (имеющих статус НПО, что по идее исключает подчинение какому-либо государственному органу), РИКЦ достаточно эффективно мобилизует эти центры для различных мероприятий, праздников и т.д., призванных продемонстрировать идею «межнационального согласия» в современном Узбекистане (например, фестиваль «Узбекистан – наш общий дом»).

Рынок культурных продуктов

Высокий уровень бедности, достаточно низкий (за некоторым исключением Казахстана) индекс человеческого развития (Табл. 8) создает неблагоприятный фон для существования профессиональной культуры на основе самоокупаемости и бизнес-проектов.

Таблица 8. Индекс человеческого развития (ИЧР) в государствах региона¹

Государство	Место по ИЧР (из 177 стран)	ИЧР	Индекс с ВВП	Индекс продолжительности жизни	Индекс образования
Казахстан	80	0,761	0,70	0,64	0,94

¹ *Источник:* Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. В будущее без барьеров: региональное сотрудничество в области человеческого развития и обеспечения человеческой безопасности. ПРООН, 2005.

Кыргызстан	111	0,694	0,48	0,69	0,91
Таджикистан	122	0,652	0,40	0,64	0,91
Туркменистан	97	0,738	0,68	0,62	0,91
Узбекистан	109	0,702	0,48	0,70	0,93

Низкий уровень жизни и незначительная покупательная способность являются препятствиями для потребления культурных продуктов на свободном рынке без государственной поддержки. В случае отсутствия этой поддержки светская и профессиональная культура оказывается доступной лишь для очень узкого слоя образованных людей со средними и высокими доходами, тогда как значительная часть населения, за исключением столиц и городов, оказывается отрезанной от светской и профессиональной культуры. Культурные потребности удовлетворяются в этом случае локальными практиками и отчасти телевидением.

С ростом доходов у населения региона, что связано с ростом ВВП и трудовой миграцией, растёт посещаемость культурных учреждений – музеев, театров, кинотеатров. Посещаемость кинотеатров с Казахстане, например, выросла с 1999 по 2006 гг. с несколько тысяч до 5 млн в год, в дальнейшем также прогнозируется существенный рост¹. Растёт потребление других культурных услуг, что становится для образующегося среднего класса символической демонстрацией своего социального статуса. Однако этот процесс имеет неоднозначный характер и затрагивает прежде всего слой городских, русскоязычных жителей. Значительная часть населения с невысоким уровнем образования, оторванная от культурных институтов, вкладывает средства в престижное потребление – семейные праздники, т.е. локальные и религиозные культурные практики, с помощью которых они поддерживают и демонстрируют свой социальный статус.

Светская, европеизированная культура является престижным знаком для молодёжи, которая обучается в высших учебных заведениях центральноазиатских столиц и городов. Получив высшее образование многие молодые люди возвращаются к себе домой, в регионы и сельскую местность, куда они привозят некоторые столичные моды и урбанистические/городские культурные практики, вступая в конкуренцию с локальной сельской и религиозной культурой. В советское время такой способ трансляции светской и городской культуры в обществе активно поддерживался и поощрялся государством. Сегодняшние независимые государства игнорируют эти процессы.

Определённую часть потребителей культурной продукции, которая производится в странах Центральной Азии, являются иностранцы – туристы, сотрудники международных организаций и посольств. В этой связи немалая часть производителей – как частных, так и государственных – ориентируется на них, выстраивая свой ассортимент товаров, услуг и цен под нужды и возможности зарубежных покупателей. Как выразилась зав. Отделом культурой одной центральной туркменской газеты, «Сегодня модернизация системы культуры требует научно обоснованных взглядов, культурного маркетинга. А от

¹ *Абикеева Г.* Нациостроительство в Казахстане и других странах Центральной Азии, и как этот процесс отражается в кинематографе. Алматы: ОФ «ЦЦАК», 2006.. С.261.

маркетинга недалеко и признание за культурой статуса конкурентоспособного товара, который можно активно экспортировать, - экспортировать нашу уникальность, ментальное отличие, творческое своеобразие, самобытные художественные традиции, выраженные в произведениях искусства, других культурных продуктах. Да, у нас уже давно есть такие признанные в мире «бренды» как, к примеру, ковры и ювелирные изделия, памятники старины и т.д.». Однако за исключением Узбекистана, в котором расположены древние исторические памятники, туристический бизнес развит слабо. В Кыргызстане и Таджикистане развит горный туризм, не связанный непосредственно с культурой.

Частный бизнес, неправительственный сектор и культура

Одним из фундаментальных изменений в постсоветское время стал тот факт, что в 1990-е гг. одним из основных акторов в экономической и политической жизни центральноазиатского общества стал частный бизнес.

Отношения между частным бизнесом и культурой носят сложный характер. Местный частный бизнес испытывает определённый «культурный голод», т.е. недостаток в способах удовлетворить свои культурные потребности, поднять свой социальный статус, легитимировать свой капитал в обществе. Это заставляет многих бизнесменов финансировать культурные проекты как часть более широкой социальной благотворительной программы. В Кыргызстане, например, культурными проектами, в том числе поддержкой государственных институтов культуры (музеев, театров и пр.), занимается АзияУниверсалБанк, руководство которого видит связь между своей благотворительной деятельностью и работой с потенциальными клиентами. В сфере культуры кроме банков активно работают также операторы связей, медиаструктуры, авиакомпании, которые имеют дело с массовым, в том числе иностранным, потребителем.

Однако до сих пор частные предприниматели не умеют работать с населением, с деятелями культуры, с культурными институтами, предпочитая личные связи и вкусы долгосрочным институциональным проектам. В предпринимательской среде отсутствует бизнес-этика и культура не рассматривается как знак статуса и престижа. Многие культурные проекты бизнеса направлены на установление связей с государственными органами и являются своеобразной формой налога.

Сами деятели культуры тоже не готовы полноценно работать с бизнесменами, не умеют создавать бизнес-проекты и планы, не умеют аргументировать свою позицию. Деятели культуры не доверяют бизнесу, считают опасным для своего творчества коммерциализацию культурного производства, испытывают неудобства от давления и контроля частного бизнеса.

Наряду с бизнесом в центральноазиатском обществе в 1990-е гг. возник большой сектор неправительственных организаций, который нередко интерпретируется как «гражданское общество». В разных странах развитие этого сектора имеет свои особенности: в Туркмении его фактически нет, в Узбекистане в середине 2000-х гг. этот сектор был взят

под полный государственный контроль и почти прекратил своё существование, в Таджикистане неправительственные организации стали развиваться с опозданием, лишь в Казахстане и Кыргызстане этот сектор имеет наиболее развитые формы.

Неправительственный сектор является во многом способом выживания для многочисленного слоя активных людей, которые не нашли себе места на рынке труда. Через него в сферу культуру вошли нередко люди, не имеющие никакого профессионального отношения к культуре. Наличие большого количества грантов, проектов и инициатив, которые никак не координируются между собой, позволяет поддерживать многие культурные институты и сферы деятельности в полуживом состоянии, но при этом они создают ситуацию некоторого хаоса, иногда ложных ценностей и авторитетов. Большие средства, которые проходят через НПО в целом, оказываются расплывёнными на незначительные культурные события, а нередко и вовсе бессмысленно растраченными или даже разворованными.

В целом действия частного бизнеса и неправительственных организаций в сфере культуры хотя и являются эффективными и эффективными в отдельных случаях не приводят к какому-то заметному, фундаментальному влиянию на всё общество, на его привычки, ценности, практики.

Культура и религия. Влияние процессов реисламизации

В 1990-е годы на культурные процессы в Центральной Азии всё большее влияние оказывает религия, прежде всего ислам, который является основным вероучением и видом идентичности для большинства населения региона.

В советское время, как уже упоминалось выше, роль религиозных практик была сведена к минимуму. Основные религиозные институты (медресе, мечети, казийские суды, вакуфы и пр.) были почти полностью демонтированы, религиозная элита была репрессирована, традиция передачи религиозных знаний фактически оказалась прерванной. Отдельные мечети и религиозные организации, которые официально сохранились в регионе, имели ограниченное влияние на людей. Однако некоторые религиозные практики сохранились среди населения, особенно в сельской местности.

С конца 1980-х годов и особенно в 1990-е гг. наблюдается повышенный интерес общества к религии. С одной стороны, сами власти центральноазиатских государств легализуют многие религиозные элементы в рамках своих национальных идеологий. Государственный статус получают многие праздники – такие как Руза-хайит, Курбан-хайит, Навруз (который в массовом сознании ассоциируется с исламом), восстанавливаются или заново застраиваются памятники мусульманской архитектуры, публикуются многие религиозные сочинения. С другой стороны, центральноазиатское общество открывается остальному мусульманскому миру, с которым на протяжении нескольких десятилетий связи были прерваны. В регион проникают религиозные организации, миссионеры, литература, финансовые потоки. Все эти факторы в совокупности на фоне кризиса идентичности после распада СССР привели к росту

религиозности, широкому распространению религиозных практик (чтение молитв, посты, ритуальные жертвоприношения) и атрибутов (женские хиджабы), даже своеобразной моде на религию. Разумеется, в каждой отдельной стране и в отдельных регионах эти тенденции выглядят по-разному. В наибольшей степени религиозный бум охватил Узбекистан (особенно Ферганскую долину), Таджикистан, Туркменистан, южные районы Казахстана и Кыргызстана, где проживает значительное число узбеков и уйгуров.

Процесс реисламизации уже приобрёл очень широкие масштабы и будет иметь, безусловно, далеко идущие последствия для всей Центральной Азии, в том числе для культурных процессов. В обществе укореняются привычки и поведенческие стереотипы, которые не предполагают какого-либо интереса к светской, европейской (в том числе русской) и городской культуре. Более того, в некоторых группах наиболее активных верующих, имеющих сильное влияние на остальных, формируется резкое неприятие и отрицание этих культурных форм, которое получает всё большую поддержку в обществе в целом.

Кроме того, с появлением (либо расширением существовавших) нео-протестантских течений христианства (и, частично, кришнаизма), многие из которых прозилитируют среди представителей традиционно-исламских народов, усиливается конфликт между этими течениями и исламскими институтами, в котором государство, как правило, поддерживает последние. Собственно, неисламские религии пользуются толерантным отношением до тех пор, пока они не оказываются в зоне традиционных институтов, сформированной ими картины мира и консервирующей их политики. В условиях постепенной стагнации социальной, экономической и культурной среды, протестантские конфессии с их «духом капитализма» и, в целом, ориентированностью на западные ценности, способны вызывать своего рода культурное отторжение.

Влияние глобализации и международных культурных сетей

Несмотря на очевидные изоляционные тенденции в государствах Центральной Азии (усилению закрытости в противовес открытости, централизации власти – включая культурную – в противоположность децентрализации, усилению традиционализма и т.д.), с середины 1990-х гг. центральноазиатское общество стало более открытым внешнему миру по сравнению с советским временем. Наиболее значительным образом это сказалось на ускорении и облегчении передвижения информационных, людских, ресурсных потоков в регион (из региона), а также, в меньшей мере – между странами региона.

При этом стоит сразу отметить, что влияние глобализации было разным как в различных государствах региона, так и внутри различных регионов/ социо-культурных групп внутри каждой страны. Так, наиболее сильно процессы глобализации затронули Казахстан, наименее – Туркменистан; внутри каждой из стран наиболее «глобализированными», как и в других государствах мира, оказались столицы и крупные городские центры, и городские элиты. В *возрастном* разрезе больше смогли воспользоваться новыми возможностями представители молодого и среднего поколений (20-ти – 30-летние), в то время как представители более старших поколений значительно труднее адаптируются к

ее культурным и информационно-технологическим вызовам. Наконец, в *этническом* разрезе по этому признаку впереди оказались двуязычные русифицированные представители титульных наций и русскоязычные национальные меньшинства, сумевшие достаточно быстро дополнить русский язык (*lingua franca* советского периода) английским и другими международными языками. Другими словами, относительное открытие границ для передвижения и потока информации в условиях Центральной Азии дала определенный шанс значительной части прежних советских культурных элит, вытесняемых из культурного поля новыми элитами и просто бегущих от сокращающегося светского пространства.

В культурном плане наиболее значимыми приметами глобализации для Центральной Азии стали:

- появление и деятельность зарубежных/ международных фондов – в первую очередь Фонда Сороса, Британского Совета, Фонда Ф. Эберта, Швейцарского агентства по развитию и т.д., а также ЮНЕСКО, деятельность которой, однако, скорее отражает до-глобализационную философию, ориентированную на поддержку культурных инициатив государств;
- подключение к глобальным информационно-культурным сетям: в 1990-е – через каналы спутникового и кабельного телевидения, с конца 1990-х – через развитие Интернета;
- активный процесс культурного обмена и международных гастролей, выставок, получения образования за рубежом, миграции и зарубежного туризма; интенсификация процессов трудовой миграции с конца 1990-х начало постепенно, хотя и не столь заметно, менять культурные стереотипы и предпочтения значительной массы титульного населения государств Центральной Азии.

Глобализация vs. Национальное государство. Несмотря на отсутствие в Центральной Азии аналога антиглобалистских движений, можно отметить определенное противодействие культурному влиянию глобализации по крайней мере со стороны двух игроков – высшего слоя политической и административной элиты и со стороны религиозных элит. Высший слой управленцев стремится по возможности минимизировать «культурную глобализацию», поскольку рассматривает ее как вызов и даже угрозу:

- своим нациостроительным стратегиям, эксплуатирующим образы и символы (собственного) государства/народа как источника главных культурных смыслов: при сопоставлении с «культурным пакетом» глобализации – в его плюралистическом варианте – эти нацио-строительные культурологемы оказываются лишь одними из многих достаточно экзотических и провинциальных «мирков»;
- своему контролю над информационным и культурным пространством, по сути – своему стремлению сделать это пространство как можно более цензурируемым и непрозрачным;

- культурному статус-кво в обществе (опасаясь слишком быстрых, неконтролируемых культурных перемен, вызванных глобализацией, которые могут повлечь и политические сдвиги).

Как выразился представитель Министерства культуры Таджикистана: «Глобализация помимо положительных моментов бросает нам вызов, прежде всего национальной идентичности. То есть опора на традиционные формы культуры связано с поиском своей идентичности и защитой ее от глобализации. Это позволит Таджикистану сохранить свое лицо».

Наконец, стоит учесть и тот факт, что основная часть «первого эшелона» политиков стран Центральной Азии принадлежат к старшему поколению, готовому к принятию культурной глобализации как вариант позднесоветского «международного обмена» (т.е., дозируемого знакомства с «прогрессивными» культурами зарубежных стран); отношение к распространению Интернета, сетей международных НПО, миграционных сетей и т.д. редко рассматривается как позитивное явление, хотя бы потому, что для этих элит это – новые и непонятные явления, для администрирования (т.е. максимализации выгод при минимализации проблем и издержек) которых у них нет знаний, навыков и желания. Международные контакты, санкционируемые государством, – если они не мотивированы политической прагматикой – продолжают восприниматься по советской модели «поощрения», «оценки лояльности» и даже получения дополнительной ренты (командировочных, грантов) – нежели как естественный для периода глобализации процесс. В некоторых странах – Узбекистан и Туркменистан – такой контроль наиболее жёсткие формы (хотя до 2004-2005 гг. Узбекистан предоставлял международным организациям гораздо больше свободы). В таких странах, как Казахстан и особенно Кыргызстан и Таджикистан, международные организации действуют более независимо. Однако общая тенденция в центральноазиатских государствах, впрочем не являющаяся необратимой, – ограничение деятельности международных организаций и установление контроля за ней государства.

Что касается религиозных элит, как официальных, так и, в большей степени, неофициальных, то их противостояние культурной глобализации основано на отторжении неприемлемых для религиозного сознания светских и западных ценностей. Вместе с тем в Центральной Азии действует – иногда полулегально, иногда нелегально – религиозная сеть организаций и людей, которые с исламскими международными организациями и группами. Последние предоставляют альтернативные западным источники финансирования и идеи.

Глобализация vs. культурный регионализм. Другой специфической стороной культурного влияния глобализации в Центральной Азии является отсутствие региональной альтернативы этому процессу. Собственно, отсутствует осознание региона как культурного целого. Большинство попыток общецентральноазиатской культурной интеграции наталкивается не столько на невозможность нахождения единой модели, приемлемой для всех государств региона (например, образ «Туркестана», муссировавшийся в середине 1990-х, был неприемлем для Таджикистана), сколько на

очевидный приоритет разъединяющих национальных культурных мифологий над объединяющими общерегиональными идеями. Как следствие, большинство региональных культурных инициатив (в области литературы, искусства и т.д.) поддерживалось, а порой и инициировалось зарубежными фондами.

Культурные контакты и обмены между странами региона крайне слабы; информация о культуре и культурных событиях других государств Центральной Азии отсутствует в СМИ; отсутствует СМИ регионального охвата, освещающие подобные темы.

Попытки устанавливать и развивать региональные связи, налаживать культурный диалог на иных, негосударственных основаниях наталкиваются на мощные препятствия: межгосударственные границы, визовый режим, обнищавшая интеллигенция, государственный контроль и надзор за перемещениями творческих работников (в отдельных странах региона) и т.п. К тому же уже сложились достаточно заметные различия во многих сферах жизни — в политике, экономике, идеологии.

Александр Джумаев. Найдем ли мы себя в потоке перемен? // Дружба народов, 2008. № 4.

«Культурные рынки» стран Центральной Азии (аналогично сырьевым) остаются ориентированными, как и в советское время, на сбыт — и, соответственно, на культурный импорт — за пределами региона. Основной статьей культурного «экспорта» является экзотика — архитектура древних городов (более характерно для Узбекистана), реликты кочевого быта (для Казахстана и Кыргызстана), «экологический туризм»

(Кыргызстан, Таджикистан). Соответственно, основные регионы экспорта — США и Западная Европа, Россия, частично Турция (для Таджикистана — также Иран). Внутрирегиональные культурные потоки крайне незначительны и больше связаны с перетеканием культурных продуктов в замкнутых социальных и этнических группах. Исключением являются несколько сфер массового культурного производства — эстрада и кино, которые распространяются среди разных социальных и культурных слоёв, даже минуя национальные границы. Например, можно отметить популярность узбекской и казахской эстрады, а также узбекской кинопродукции в Кыргызстане и Таджикистане.

Влияние внешних акторов (США, Западной Европы, России и др.). В ситуации продолжающегося — то с затиханием, то с усилением — соперничества в Центральной Азии между крупными державами, влияние культурной глобализации будет в значительной мере обусловленным «культурными инвестициями» этих игроков в регион.

Хотя для основных акторов присутствие в регионе связано с геополитическими и экономическими интересами, культурные инвестиции не следует рассматривать лишь как расчетливую благотворительность, камуфлирующую «реаль-политик», либо как форму скрытой культурной экспансии. Подобное понимание, увы, стало довольно распространенным, особенно после «цветных» революций, породивших всплеск конспирологических интерпретаций не только среди авторитарных элит региона, но и среди части экспертного сообщества в Центральной Азии.

В случае западных акторов и, прежде всего, США, очевидно стремление использовать культурные инвестиции не только для «закрепления» своего влияния в регионе, но и для

распространения через них плюралистических, мультикультурных, дискуссионных ценностей. Большая часть культурной продукции приходит с Запада в Центральную Азию – как и другие регионы третьего мира – «стихийно», через СМИ, кинематограф, моду и т.д. Кроме этого, значительные инвестиции идут через правительственные программы, либо через негосударственные (в том числе – и международные) фонды. Основным культурным донором в этой группе остается США, хотя в двух государствах региона оно в этом плане является на сегодняшний день минимальным – в Туркменистане, и с 2004-2005 гг. – в Узбекистане¹. Среди других западных стран, поддерживающих культурные и образовательные акции – как через посольства, так и через различные фонды – можно назвать Великобританию (Британский Совет), Францию («Французский Альянс», Французский институт по изучению Центральной Азии), Германию (Гете-Институт, Фонд Ф. Эберта), Швейцарию (Швейцарское бюро развития), не говоря о большом числе менее крупных фондов и проектов. В Таджикистане, Кыргызстане и Казахстане действует также Фонд Ага-хана, который также аккумулирует средства многих западных организаций.

Несмотря на безусловно позитивный характер работы западных национальных и международных организаций по отдельным проектам в Центральной Азии, в целом никак нельзя сказать, что за прошедшие 17 лет ситуация в культуре здесь изменилась к лучшему или имеет тенденции к такому улучшению. Негативные процессы – разрушение школ, исчезновение целых направлений, архаизация и десекуляризация сознания, изоляционизм и пр. – продолжают усиливаться. Как цинично выразился один анонимный эксперт в Кыргызстане, «западные фонды своими проектами по поддержке культуры организуют досуг своих собственных сотрудников». По словам анонимного корреспондента из Туркменистана: «К сожалению, международные организации, несмотря на благие намерения и попытки внедрить систему грантов для осуществления культурных мероприятий, сохранения культурного наследия, организации поездок за рубеж для творческих коллективов, специалистов разных отраслей культуры по обмену, для учебы или стажировки, носят чаще всего сугубо формальный характер и бьют мимо цели. С одной стороны, своей поддержкой они компенсируют отсутствие внимания государства к этим вопросам. Но с другой, за последние годы стала очевидной и тщетность усилий международных организаций в продвижении культуры в Туркменистане. Во-первых, чаще всего им приходится иметь дело с новой генерацией плохо образованных и некомпетентных в своих же сферах людей. Это приводит к тому, что средства грантов, выделенных, например, по программам сохранения культурного наследия, приводят скорее к порче этого наследия, т.к. реципиенты часто бывают не в состоянии обеспечить грамотное решение легкомысленно взятых на себя весьма специфических задач. Во-вторых, люди, получившие благодаря иностранной помощи определенные навыки и опыт за рубежом, не имеют возможности сполна реализовать себя на родине, где они сталкиваются с отношениями, мало похожими на те, что существуют на Западе и даже в России. Что успешно работает там, совершенно не работает здесь. Вот почему и международные организации, так же как и государство, не могут сыграть какую-либо роль в продвижении культуры в Туркменистане. Этому препятствует системный характер

¹ Впрочем, даже после ухода почти всех американских организаций из Узбекистана, США продолжает оказывать определенную помощь в развитии библиотек, и предоставление грантов узбекским студентам / исследователям на обучение / стажировку в США.

перманентного кризиса, который быстро обозначил себя после распада СССР и теперь неумолимо ведет к расширению комплексной деградации бывшей российской колонии».

В качестве агентов западного культурного влияния можно рассматривать и действующие во всех государствах Центральной Азии различные агентство и программы ООН. Хотя, за исключением ЮНЕСКО, они не связаны с поддержкой культурных инициатив, однако ряд мероприятий, проводимых этими организациями в рамках повышения осведомленности – фотоконкурсы, документальные фильмы, театральные постановки – также являются достаточно заметным каналом культурных инвестиций. Однако ООН, и ЮНЕСКО в частности, работает прежде всего с властью, легитимируя и усиливая те взгляды на культуру и культурные процессы, которые формируются в официальной идеологии.

Культурное присутствие России, активизировавшееся с начала 2000-х гг., прежде всего, направлено на сохранение роли русского языка и русской культуры. Основные культурные акции проводятся Посольством и «Россзарубежцентром».

С 2005 г. во всех государствах Центральной Азии (за исключением Туркменистана) стал действовать российский Фонд развития «Институт Евразийских Исследований». Наиболее заметной культурной акцией Фонда стало проведение конкурса «Русская премия» для лучших литературных произведений, написанных на русском языке гражданами постсоветских государств. Основная деятельность Фонда в центральноазиатских странах в основном связана с поддержкой и распространением публикаций на русском языке, в частности, публикации журнала «Русский язык и литература в школах» (Таджикистан, Кыргызстан), дайджеста российской прессы «Россия сегодня»; поддерживаются учебные заведения, выдаются стипендии и т.д.

В отдельных культурных институтах (музеях, театрах и пр.) России, российских профессиональных союзах деятелей культуры (Союз театральных деятелей и др.) действуют центры и секции по поддержке связей с бывшими республиками СССР. Однако эта активность основана на прежних личных отношениях и энтузиазме отдельных людей и не носит долговременного финансово-институционального характера. Сохраняется достаточно сильное влияние России на уровне телевидения, прессы, литературы, которые достаточно широко доступны населению Центральной Азии, но и через него часто воспроизводятся наиболее отрицательные черты современной российской культуры – развлекательные, лёгкие жанры, однодневная «массовая культура».

В целом, несмотря на расширение и диверсификацию своих культурных инвестиций в регион, Россия не может пока выступить альтернативным (странам Запада) культурным донором. Процедуры получения культурного содействия в российских институциях значительно более бюрократизированы и непрозрачны, чем в аналогичных западных, кроме того, эти организации редко поддерживают независимые культурные инициативы, предпочитая поддерживать менее «рискованные» и более официозные «запросы» соответствующих местных государственных структур.

Определённое, и немалое, влияние на культуру стран Центральной Азии оказывают страны Ближнего и Среднего Востока, такие прежде всего как Турция и Иран. Они

финансируют многие проекты, проводят совместные акции, вкладывают средства в образование и культурную инфраструктуру, обмениваются выставками, поездками. Особенно это влияние заметно в Туркменистане и Таджикистане. Единичными культурными прецедентами занимается Япония.

Миграция, туризм и культура. Важным каналом знакомства населения Центральной Азии с культурой других стран являются туризм и миграция. После распада СССР транснациональные передвижения людей приобрели массовый характер. Центральноеазиатские государства сделали достаточно открытыми эти процессы, лишь в Туркмении и отчасти в Узбекистане существуют некоторые ограничения (внутренние визы) на выезд за пределы страны. Однако туристические поездки в страны Европы, США или зарубежные страны Азии доступны только той части населения, которая имеет сравнительно высокие доходы – это, как правило, городское и сохраняющее русский язык население.

Таблица 9. Число туристов, выехавших из Казахстана в 2002-2007 гг.¹

	2002	2003	2004	2005	2006	2007
	74728	94692	154885	210692	255692	286691

В 2000-е гг. из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана началась массовая трудовая миграция, основные потоки которой направляются в Россию и Казахстан, в меньшей степени – в Южную Корею, Турцию, страны Персидского залива и Европу. Число таких мигрантов

Больше всего мне нравится там их отношение к женщинам. Я у нас такое редко встречала. Меня мой первый муж с первых дней унижал, да и вся его семья – тоже. За человека не принимали. Женщина-мигрант, город, Ташкент.

Там очень высокий уровень жизни, в домах все автоматизировано. Больше культурной жизни. Люди больше следят за своим здоровьем. Большое внимание уделяют образованию. Мужчина-мигрант, село, Андижан.

Из исследования «Голоса трудовых мигрантов» (Центр «Шах ва Тарсия» Узбекистан 2006 г.)

исчисляется несколькими миллионами и состоит она в основном как раз из сельских жителей, плохо знающих русский язык, имеющих не очень хорошее образование, привыкших к локальным и религиозным практикам. С этими мигрантами начинают работать национально-культурные общества в странах приёма, обучать их языку, приучать к новым социальным порядкам и новым культурным

практикам. Пока этот процесс находится в самом начале и его последствия не очень изучены и не очень ясны. Социологи отмечают, в частности, влияние трудовой миграции на урбанизацию сельского населения, замещение общинных, коллективных ценностей – индивидуальными, на изменение гендерных стереотипов. По словам одного таджикского чиновника, «Приезжая, они [мигранты] привносят часть другой культуры». Кроме того, внешняя трудовая миграция – большая часть которой из Центральной Азии приходится на Россию – способствует сохранению, и даже определенному усилению позиций русского

¹ Газеты «Капитал». 2008, 21 августа

языка в основных «отправляющих» государствах: Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане.

Деятельность постоянных и временных диаспоральных сообществ за пределами самой Центральной Азии становится всё больше важным фактором в культурных процессах и транскультурных влияниях. Они впитывают в себя многие привычки и ценности тех обществ, в которых в настоящее время живут, и транслируют их в культуру того общества, откуда они происходят.

Интернет, СМИ и культура. В странах Центральной Азии существует развитая сеть электронных и печатных средств массовой информации. В разных государствах она находится в разной степени контроля со стороны государства. Наиболее жёсткий контроль и цензуру осуществляют Туркменистан и Узбекистан, в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане более или менее строгий контроль осуществляется за телевидением, радио и печать (газеты и журналы) имеют большую степень свободы. В центральноазиатских странах, прежде всего в столицах и городах, развивается также кабельное телевидение, которое также не очень жестко контролируется властью.

В частных СМИ, которые вынуждены финансировать себя сами, процветают в основном развлекательные, комедийные, мелодраматические жанры – недорогостоящие и простые по форме и содержанию. В государственных СМИ (или тех, которые находятся под государственной опекой) преобладают идеологические программы и новости, которые рассказывают о культуре в строго заданных, национальных рамках.

Значительный сегмент интернетовского пространства Центральной Азии занимают сайты, созданные выходцами из региона и финансируемые из зарубежных источников. Эти сайты нередко связаны с оппозиционными лидерами, партиями, людьми, которые вынуждены были уехать из региона, в том числе и по политическим мотивам. Языком этих сайтов является, как правило, русский и английский языки. Среди наиболее известных в регионе является www.ferghana.ru, который имеет узбекскую версию и широко освещает культурную жизнь в регионе, особенно различные негосударственные, неформальные культурные акции и проекты, которые нечасто освещаются государственными СМИ¹.

В Центральной Азии остро стоит проблема доступа к интернету. В Туркменистане существуют ограничения, в Узбекистане блокируются многие сайты. Кроме того, в силу технических трудностей, качество интернет-связи, в среднем, не высоко. Во всех государствах региона сельское население из-за финансовых и языковых трудностей не пользуется интернетом. Имеет место и определенный поколенческий «разрыв»: большинство пользователей интернетом – 15-40-летние; среди 50-60-летних и старше – пользователей значительно меньше.

Тем не менее, интернет – это довольно быстро развивающаяся среда в Центральной Азии, с каждым годом её сеть расширяется, благодаря некоторому росту уровня жизни интернет становится более доступным. Власти не в состоянии контролировать всё интернет-

¹ К сожалению, власть Узбекистана техническими мерами препятствует свободный доступ к этому и другим сайтам, где содержится «неудобная» информация.

пространство и не в состоянии административными мерами сдерживать его экспансию. Именно интернет – как в советское время радио – является источником альтернативной (и оперативно поступающей) информации для жителей ЦА. Кроме того, создание блогов, «живых журналов», участие в них, не только служит компенсацией отсутствия – либо неразвитости – публичного пространства, но и формирует новое коммуникативное пространство. В интернет-дискуссиях последних лет часто обсуждались наиболее острые вопросы, связанные с развитием национальной идентичности, с употреблением русского языка и т.д.

Культура и искусство: официальное, неофициальное, альтернативное

В гетерогенном культурном пространстве Центральной Азии, в котором соединяются множество различных опытов, влияний, интересов, разных личностных и социальных траекторий, происходит не менее сложное взаимодействие многообразных стилей, жанров, школ и направлений искусства. Классические виды искусства соседствуют с современными, в том числе андеграудными, а также с традиционными видами искусства, которые приобрели профессиональный характер. Русскоязычная культура сосуществует с культурой на местных языках. Возникли разнообразные смешения стилей и языков.

Просто деление на «официальную» и «неофициальную» искусства не всегда оказывается здесь работающим. Параллельно с официозно-национальными проектами существуют частные проекты этноискусства, которые апеллируют к тем же представлениям об «исконности», но пытаются передать его в новой форме.

В силу ряда причин, в советский период в республиках ЦА не возникло сильных неофициальных и андеграудных культурных течений, какие возникли в крупных российских городах и некоторых европейских республиках СССР. Здесь не было своего самиздата и явлений, аналогичных лианозовской школе, «бульдозерной выставке» и т.д. За исключением, в какой-то мере, театра «Ильхом» в Ташкенте, андеграудные течения не

...Идет общий процесс деградации и “бананизации” культуры широких народных масс, общего упадка культурного уровня населения, медленного отмирания и распада целых школ (в изобразительном искусстве, музыке, театре, кино), созданных за десятилетия “проклятого советского прошлого” ценой огромных капитальных вложений и человеческих ресурсов нескольких поколений деятелей культуры. Взамен предлагаются дорогостоящие “элитарные” культурные суррогаты гламурного типа, рассчитанные на небольшую прослойку культурной элиты в столицах новых государств, и отходы культурного производства американизированного типа — “культурный мусор” — для широких масс (тиражируемые через массовые бульварные журналы, прессу, телевидение).

Александр Джумаев. Найдем ли мы себя в потоке перемен? // Дружба народов, 2008. № 4.

получали своего «группового» оформления, и как правило, не выходили за пределы индивидуальных творческих поисков.

Кроме того, для культуры и искусства современных государств Центральной Азии присущи многие закономерности постколониальных культур. Двойственную природу постколониальных культур отмечает и Д. Мур: «культуры постколониальных стран характеризуются напряжением

между желанием автономии и наследием зависимости, между стремлением к автохтонности и своим гибридным, постколониальным происхождением, между сопротивлением и сложностью, и между имитацией (мимикрией) и оригинальностью»¹. Так, в искусстве сохраняются различные формы и жанры западного искусства (как правило, в их «советском», т.е. адаптированным русской культурой и институциализированным в советский период) варианте, однако при этом развиваются и традиционные жанры. Правда, в случае последних можно говорить лишь об усилении тенденций, наметившихся уже в 1970-1980-е годы: именно тогда значительно активизировалось обращение к культурным традициям прошлого. Некоторой новизной для постсоветского этапа можно признать лишь более активное задействование религиозных и мифологических (суфийских, шаманистских и т.д.) символов, включение их в некую постмодернистскую «игру».

Официозное конструирование «постколониальной» культуры в Центральной Азии часто сопровождается политикой выборочного забвения (советского прошлого, русскоязычной культуры и т.д.) и конкуренцией за исторические символы (юбилеи городов, древних учёных, события прошлого и т.д.). Это приводит к всё большему дроблению культурного пространства по национальным и социальным границам. Внутри каждой из этих автономных групп создаётся и развивается своя собственная «центральноазиатская культура», которая лишь отчасти соприкасаются и пересекаются между собой.

Литература. На протяжении советского периода литература оставалась наиболее идеологизированной и политизированной отраслью культуры. В республиках Центральной Азии воспроизводилась литературоцентрическая модель, которая была свойственна русской культуре начиная с XIX столетия и была усилена в советский

Последующее развитие событий разорвало то, что еще менее десяти лет назад представлялось единой целостностью со своим центром и периферией, но... не привело к исчезновению нерусских писателей, пишущих по-русски. ... Подтверждением тому служит недавно вышедшая в Ташкенте книга стихов “Рубаи” Сабита Мадалиева, в которой сложнейший и весьма жесткий по канонам стихосложения и по способу отражения личности автора древнейший восточный жанр рубаи органично выражен средствами русского языка, тем самым еще раз подтвердившего славу одного из самых богатых современных языков. В широком контексте все это свидетельствует, наряду с другими факторами, о том, что местная субкультура на основе русского языка не только не исчезает, но и обретает черты устойчивости.

Юрий Подпоренко. Бесправен, но востребован: Русский язык в Узбекистане // Дружба народов, 2001, № 12.

период; в соответствии с данной моделью именно писатель оказывался центральной фигурой культуры, символическим посредником между народом и властью. Киргиз Ч. Айтматов и казах О.Сулейменов (их известность, особенно Айтматова, была общесоюзной) являлись, кроме того, и общественными фигурами; на базе Союза писателей в конце 80-х возникло движение «Эрк», возглавлявшееся поэтом М.Салихом.

Развал советских культурных институтов наиболее сильно ударил по литературе. В результате коллапса книжного рынка у местных литераторов фактически исчезла возможность публиковаться и жить –

¹ Moore D. Ch. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // PMLA, Vol. 116, No. 1, Special Topic: Globalizing Literary Studies. (Jan., 2001). P.112.

хотя бы частично – за счет литературного труда. Несмотря на сохранение союзов писателей, членство в них фактически не имеет прежних финансовых и административных стимулов. Отток значительной части русскоязычного населения крайне сузил читательскую аудиторию.

Тем не менее, разрушение прежней системы имело и положительные последствия. Литераторы получили возможность самостоятельно издавать свои сочинения – причем даже в тех государствах, где сохранялась цензура. Возникли самостоятельные и неподконтрольные государству литературные проекты и объединения: «Ферганская школа» (Ш. Абдуллаев, Х.Закиров и др.) и «Ташкентская школа» (С.Янышев, С.Афлатуни, В. Муратханов) – в Узбекистане (последней были изданы пять выпусков литературного альманаха «Малый шелковый путь», 1999-2005); объединение «Мусает» в Казахстане, возглавляемое О.Б. Марковой (издает литературный альманах «Аполлинарий»). С 2001 года объединением «Ташкентская школа» совместно с Литературным музеем С. Есенина проводится Ташкентский открытый фестиваль поэзии – независимый литературный проект и единственный в регионе поэтическим форум, позволяющий объединить русскоязычных авторов из Узбекистана, Казахстана, России, других постсоветских стран и стран дальнего зарубежья. Кроме того, несмотря на отток русскоязычного населения, именно в 1990-е – начало 2000-х гг. в регионе появились новые яркие имена молодых русских литераторов: прозаик М. Земсков, поэт Е. Джумагулов (Казахстан), поэты В. Муратханов, В. Осадченко (Узбекистан), прозаик Алекс Торк (Кыргызстан). Возникли новые журналы: альманах «Курак» (Кыргызстан), «Книголюб» (Казахстан).

«Толстые» советские литературные журналы – сохранились, хотя русскоязычные («Звезда Востока» в Узбекистане, «Простор» в Казахстане, «Памир» в Таджикистане) испытывают значительные сложности – как финансово-административные, так и в целом, связанные с изменением общей культурной ситуации в республиках. Например, редакция журнала «Звезда Востока», бывшего трибуной либеральной узбекистанской интеллигенции в 1991-1995 гг., когда место главного редактора занимал Сабит Мадалиев, фактически была разогнана, а на место главного редактора был назначен более «управляемый» литературный чиновник. В настоящее время, с приходом на должность главного редактора А.Устименко, журнал стремится восстановить утраченные позиции, однако отсутствие постоянного финансирования ставит деятельность под угрозу срыва.

Архитектура и монументальное искусство. Эта сфера культурного производства наиболее востребована государствами Центральной Азии в качестве демонстрации своих политических и экономических возможностей и в качества главного способа визуального выражения национальных идеологий.

Наиболее помпезные и амбициозные архитектурные проекты предприняли Казахстан, Туркменистан и чуть в меньшей степени Узбекистан, которые провели реконструкцию своих столиц. Кыргызстан и Таджикистан смогли позволить себе лишь отдельные стройки, которые тем не менее были представлены как большие достижения власти. Эти проекты нередко удивительным образом сочетают в себе национальные и космополитические перспективы. Для планирования и переустройства Ашхабада и

Астаны власти привлекают ведущих мировых архитекторов, не смущаясь откровенно ненациональными образами и идеями. В архитектуре Узбекистана и Туркменистана утвердился эклектичный, помпезный, напоминающий сталинский «ампир», стиль

По замыслу Сапармурада Туркменбаши, архитектурным символом нейтралитета должен был стать традиционный туркменский таган – устойчивый треножник, служащий подставкой для котла, под которым разводят огонь. Этот прозрачный образ говорит о негасимости домашнего очага, и о прочности общего дома, каковым является государство... Венчает монумент 12-метровая скульптурная композиция, изображающая первого и пожизненного Президента страны на фоне развевающегося флага.

AŞGABAT. Столица Независимого Нейтрального Туркменистана: Фотоальбом / Под общ. ред. В.М.

административных сооружений – с массивной колоннадой и венчающим здание куполом. В таком стиле выстроены, например, здания обеих палат Парламента и Музея Тимуридов в Ташкенте, а также Дворец Туркменбаши с площадью перед ним, которая замыкается Аркой Нейтралитета с севера и Дворцом Рухьет (Духовности) с юга – в Ашгабате.

Другой, не менее идеологически «нагруженной» областью монументального искусства является установка / переустановка памятников. В первой половине 1990-х внимание новых правящих элит государств Центральной Азии – как и в большинстве бывших советских республик – было сосредоточено на демонтаже памятников советским – иногда даже просто русским – историческим деятелям, писателям и т.д. Наиболее сильно этот процесс затронул Туркменистан и Узбекистан; в Ташкенте, кроме памятников советским деятелям были демонтированы также памятники русским писателям Горькому и Гоголю (впрочем, процесс демонтажа всех монументов, имеющих какие-либо советские коннотации, судя по всему, в Узбекистане еще не завершен – в 2008 г. был демонтирован монумент Дружбы народов). На месте снесенных памятников – а также в других местах – вскоре стали сооружаться новые монументы, отражающие нацио-центричные консервативные идеологии новых режимов. Так, почти во всех государствах был установлен помпезный монумент Независимости (дополненный в Ашхабаде позолоченной фигурой самого Туркменбаши). Большая часть остальных памятников устанавливалась в честь мифологизируемых исторических фигур – правителей или деятелей воображаемого «золотого века» нации. Таковы памятники Амиру Тимуру, Алишеру Навои, Улугбеку – в Узбекистане, группа памятников вокруг монумента Независимости (Огуз-хана, Сельджук-хана, Султана Санджара и др.) – в Ашгабате, монумент Исмоилу Самани в Душанбе; историко-культурный комплекс «Манас-ордо» - в Кыргызстане и т.д. Характерно, что несмотря на репрезентацию российского и советского периода в официальных идеологиях в негативных тонах, отсутствуют памятники каким-либо лицам, боровшимся против колониальных и советских властей (видимо, место главных «борцов» нынешние президенты «резервируют» для себя).

Изобразительное и прикладное искусство. В отличие от архитектуры и скульптуры, художественное искусство меньше интересует власти центральноазиатских стран. Какая-то часть художников обеспечивает её потребности в производстве продуктов, которые являются символами, подарками и т.д. В таком качестве особенно развивается «народно-прикладное» искусство.

Активными потребителями изобразительного искусства являются также иностранные туристы и частные предприниматели. Именно на них в большей степени ориентируются как сами художники, так и немногочисленные независимые галереи (например, «Б-студио» в Кыргызстане).

В целом современное изобразительное искусство оказалось в сложном положении. Показательна судьба уникального музея авангардного искусства в г. Нукусе (Узбекистан). Это уникальное собрание, которое представляет огромную ценность и при этом совершенно никак не вписывается в «национальную идеологию» с его традиционалистскими вкусами и простыми формами. Узбекская власть не может использовать этот музей в своих идеологических целях и не может не понимать его ценность.

Кино и театр. В относительно благополучном положении находится кинопроизводство. После десятилетия разного рода сложностей и переходных проблем этот вид культурного производства находится на подъёме. Власть уделяет этому сектору культуры внимание из-за его важной идеологической и символической функции, финансируя фильмы об исторических деятелях и событиях, которые должны были символизировать эпоху возвращения «к традиционным корням». Международный рынок кинопродукции и система фестивалей стимулирует частные финансовые инвестиции в кинопроекты с элементами этноискусства. Внутренний рынок также создаёт условия для самокупаемости и поддержания интереса к кинопроизводству, в том числе в виде относительно дешёвых и популярных телесериалов. Все эти факторы в совокупности дают возможность киноискусству и сопутствующим ему институтам развиваться и приспосабливаться к новым условиям¹.

После всплеска кинопроизводства на рубеже 1980-1990-х гг., когда в центральноазиатский кинематограф пришли выпускники московских институтов, в середине десятилетия наступил спад, обусловленный экономическими трудностями. Телевидение и кинотеатры стран были заполнены иностранными фильмами и сериалами. Туркменистан фактически прекратил кинопроизводство к концу 1990-х гг. Таджикские кинорежиссёры в большинстве своём и вовсе вынуждены были покинуть страну и снимать фильмы в России и Европе.

Исключением был Узбекистан, где государство сохранило кинопрокат, в результате чего кинопроизводство исторических тем, комедий и мелодрам окупает себя. Кинопроизводство рассчитано исключительно на внутренний рынок (хотя пользуется популярностью и на рынке соседних стран) и не очень активно представлено в мировом

¹ Более подробно см. *Абикеева Г.* Цит. соч..

кинопракате и на международных фестивалях. Однако жанровый и эстетический формат узбекского кино остаётся довольно узким, а многие кинорежиссёры покинули страну.

С конца 1990-х гг. кинопроизводство в Центральной Азии стало оживляться. В Кыргызстане восстанавливается частичное государственное финансирование кинопроектов, кинопроизводство переориентируется на частные, прежде всего иностранные инвестиции и снимается целый ряд авторских фильмов для международных фестивалей. Казахстан по-прежнему финансировал исторические фильмы. Показательным был опыт съёмки фильма «Кочевник», который был сделан по стандартам американского кино (с активным привлечением международной команды актёров и съёмщиков) и одновременно наполненный национально-экзотической тематикой. Частные киностудии снимают фестивальное и авторское кино. Одновременно появляется полупрофессиональное, дешёвое кино, которое ориентируется на массовый внутренний рынок.

Совсем иначе развивается театральное искусство¹. Большие театры с классическими постановками находятся в стадии финансовой и репертуарной стагнации. Государство не испытывает к ним большого интереса, но и не прекращает их деятельности. Зрители идут в театры неохотно, а поступающие доходы не способны обеспечить содержание ни с персонала, ни зданий. Только помощь частных компаний и иностранных спонсоров помогает поддерживать их профессиональную деятельность. Легче выживают маленькие и более мобильные театральные труппы, выступающие в более современных, в том числе этно, жанрах, но и они ориентируются в основном на международные инвестиции, зарубежные гастроли, а также частные корпоративные вечеринки (театры «Сахна», «Клуб-и-место-Д» и др. в Кыргызстане, «Артишок» в Казахстане). Лишь некоторым театрам, например узбекистанскому «Ильхам», удаётся привлекать и местную, и иностранную аудиторию. «Ильхам» выполняет и ещё одну важную функцию – проводит обучение для театральных актёров и режиссёров из других государств Центральной Азии. (Хотя в настоящее время, после убийства основателя и руководителя театра Марка Вайля – которое до сих пор не раскрыто – театр испытывает значительные трудности).

За прошедшие два десятилетия существенно изменилась эстетика центральноазиатского театра². Усилился интерес к восточным, среднеазиатским мотивам (например, постановки М. Вайля «Белый, белый черный аист», «Радение с гранатом», «Полеты Машраба»); даже действие пьес из европейской классики – например, «Короля Лир» (постановка О. Ходжакули, 2001 г.) или «Счастливых нищих» (постановка М. Вайля) переносится в Центральную Азию и трактуется в местном, «восточном» ключе.

¹ Обзор театров Центральной Азии см.: *Tordjman S. An Introduction to Theatre Today in Central Asia and Afghanistan. An IETM Publication, 2006.*

² Европейский театр в исламском мире: постсоветские трансформации в театральном искусстве стран Центральной Азии: Сборник докладов междунар конференции, Ташкент 2-4 апреля 3003 г. Ташкент, 2003.

И кино, и театр Центральной Азии достаточно активно участвуют в фестивальной деятельности. Среди региональных театральных инициатив стоит отметить проводившийся в середине 1990-х театральный фестиваль «Навруз», кыргызский фестиваль «Айтматов и театр» (1999),

Когда, после премьеры оперы, я спросил замминистра культуры [Узбекистана], для чего его государство тратит и без того скудные финансовые ресурсы на поддержку культурных институтов, унаследованных от эпохи российского колониализма, он ответил: «Потому что мы хотим быть частью остального мира: мы хотим, чтобы наши деятели культуры имели, как и деятели культуры в других странах мира принимать участие в международных конкурсах»... Другой причиной сохранения статус-кво является бюрократическая инерция. Как мне сказали как-то в Узбекистане, «для того, чтобы полностью изменить эти институты, вам нужно в буквальном смысле поменять кровь людей, руководящих ими, что вряд ли возможно». Похоже, европеизация «сверху» до сих пор активно осуществляется в культурной жизни Узбекистана.

Theodore Levin, The Reterritorialization of Culture in the New Central Asian States: A Report from Uzbekistan. Yearbook for Traditional Music, Vol. 25, Musical

Центральноазиатский/европейский театральный форум в Ташкенте (2004) и в Душанбе (2005), международная Flying - театральную Академию М. Цонера в Алматы (2002) и др. Центральноазиатские театры представлены также на Московском чеховском фестивале и на других международных фестивалях. В регионе проводятся кинофестивали – международный фестиваль авторского кино «Киностан» в Кыргызстане (с 2007 г.), кинофестиваль в Душанбе «Дидор» и т.д.

Музыка. В сравнительно благополучном состоянии находится эстрадная музыка, которая имеет широкий внутренний рынок сбыта как в виде аудио- и видеопродукции, так и в виде разного рода концертов, в том числе на многочисленных традиционных

празднованиях, устраиваемых как властями, так и частными лицами. Эстрадные певцы имеют большую популярность, близость к власти, влияние на общественное мнение и достаточно серьёзные экономические возможности. Государственной поддержкой пользуются традиционные музыкальные жанры, которые являются важным символом национального самосознания и национальной идеологии.

В более сложном положении оказалась классическая европейская музыка, оперное искусство и балет, которые в советское время пользовались приоритетной поддержкой и которые теперь не способны сами выживать экономически и постепенно теряют статус престижности. В Туркмении опера и балет были на некоторое время изгнаны из официальной культурной номенклатуры как несоответствующие национальным традициям, в Узбекистане также обсуждался вопрос о целесообразности их сохранения, в Таджикистане из-за экономических проблем эти виды музыкального искусства практически перестали существовать. Интерес к ним проявляет в основном столичная, русскоязычная аудитория, а власти используют их чаще всего для своего международного признания.

Альтернативные музыкальные жанры выживают в основном за счёт энтузиазма, международной и частно-предпринимательской поддержки. В республиках проводятся музыкальные, в том числе джазовые и роковые, фестивали. К этой сфере музыки

равнодушна и власть, и большинство общества – и те, и другие рассматривают её как чуждую культуру.

Выводы

1. Центральная Азия находится в стороне от основных центров мировой культуры – как в географическом и политическом, так и интеллектуальном смысле слова. Оказавшись между различными мировыми центрами силы, элиты не смогли внятно сформулировать для внешнего мира, и для своих граждан свои культурные приоритеты и направление своего развития. Противоречивые, обусловленные сиюминутными задачами, апелляции к Западу, России, мусульманскому сообществу в целом, Турции, Ирану, Юго-Восточной Азии производят культурный хаос и неразбериху, дезориентируют элиту, граждан, зарубежных партнёров. Власти центральноазиатских государств (конечно в разной степени) не имеют чёткой, стабильной, долгосрочной стратегии своих действий, что делает сомнительными и неустойчивыми любые с ними договорённости, любые попытки воздействия на их планы, представления, включая культуру. Власть пытается контролировать идеи и ресурсы, которые проходят через международные каналы, либо, если есть возможность, участвовать в распределении этих ресурсов и формировании собственной идеологической повестки.
2. Современная Центральная Азия не представляет собой единого сообщества. У каждого государства свои политические и экономические возможности влияния на культуру, своё видение будущего, своя конфигурация отношений с внешним миром. Несмотря на множество деклараций, эти страны и их граждане имеют довольно слабые связи друг с другом, культурный обмен и совместные культурные проекты практически отсутствуют. Отдельные совместные акции, которые спонсируются внешними донорами, лишь создают иллюзию единства. Изоляция друг от друга приобрела необратимый и даже конфликтный характер.
3. Внутри общества происходит процесс дальнейшего размежевания между элитой и простыми людьми, столицами и периферией, городским и сельским населением, русскоязычными и нерусскоязычными гражданами. Повседневная жизнь значительного числа жителей региона всё больше определяется нормами и вкусами ислама, они остаются вне процессов межкультурного взаимодействия и воспроизводят либо архаические (локальные), либо крайне религиозно-пуританские культурные практики. В городах всё больше появляется выходцев из сельской местности, которые постепенно размывают сформировавшиеся там культурные привычки и иерархии. Светская, европеизированная и русифицированная культура становится доступной лишь узкой и постоянно сокращающейся социальной прослойке внутри элиты и русскоязычному меньшинству. Разного рода проекты, направленные на сохранение идентичности и статуса этих социальных и культурных меньшинств, в действительности лишь консервируют сложившиеся границы внутри общества и обостряют конфликты между разными группами.

4. Основной идеологической рамкой для всех государств региона остаётся национализм. При всех имеющих вариациях в понимании своих целей, все правящие элиты апеллируют к «корням», «традициям», «аутентичной культуре», оставляя многообразные этнические меньшинства за рамками официального культурного пространства. Национализм доминирует в публичном культурном пространстве, определяет вкусы, художественное воображение, образы, характер дискуссий. Власть старается следить за сферой культуры и не допускать всего, что противоречит официальной идеологии. Иногда такой контроль имеет превентивный или очень субъективный характер. Вместе с тем, какие-то личные договорённости внутри страны или между странами дают возможность власти закрывать глаза на существование не вполне «правильных» или «понятных» культурных идей. Власть, озабоченная своими проблемами, не всегда способна держать под своим вниманием всю деятельность в сфере культуры. Иногда этот контроль передаётся на усмотрение чиновников более низкого ранга, которые не имеют компетенции оценивать культурные проекты.
5. Светская, западного типа культура во многом основывается на советской инфраструктуре институтов, которые могут существовать только при государственной финансировании. При довольно низком качестве жизни и господстве локальных и теперь религиозных практик среди большинства населения эти институты не в состоянии превратиться в самостоятельные бизнес-проекты.
6. Культурное производство, за исключением некоторых престижных и символических проектов, оказалось в режиме автономного и полуавтономного существования. Низкие бюджетные зарплаты не обеспечивают достаточного уровня жизни и многие деятели культуры, особенно за пределами столиц, вынуждены зарабатывать дополнительно, теряя при этом квалификацию. Многие сферы культуры выживают за счёт активности энтузиастов, а также финансовой поддержки со стороны международных программ, грантов, инвестиций. Результатом такой поддержки являются не столько изменения в самом обществе, сколько постоянное или временное перемещение проектов и людей из Центральной Азии в Европу, Россию и другие страны, где возникает своего рода «виртуальная» или «диаспоральная» Центральная Азия. Регион становится «культурным заповедником», как выразился один опрошенный мною эксперт в Кыргызстане, для любителей экзотики и в создании этой экзотики принимают участие, каждый со своей идеей, местные националистические элиты, частный бизнес и неправительственные организации, международные доноры. Все вместе они изобретают местную «культуру», далёкую от повседневных потребностей большинства жителей Центральной Азии.
7. Не существует ни одной долгосрочной тенденции, которая бы давала возможность прогнозировать устойчивое развитие культурных институций в странах Центральной Азии. Наоборот, наблюдается всё большая фрагментация культурного пространства, усиление и распространение локальных и религиозных практик, создание межкультурных барьеров и формирование изоляционных идеологий.

Никакие краткосрочные, единичные проекты, какими бы эффектными они не выглядели, не способны переломить эти более фундаментальные процессы и тенденции. Нужны средства и меры, сравнимые с силой интервенции советского времени, чтобы сохранить достигнутые в культуре позиции и развивать их дальше. Эти действия возможны только при участии государств и местных элит. Вот как размышляет по этому поводу один мой анонимный туркменский корреспондент: «Без поддержки государства никакие учреждения культуры функционировать не могут по определению, их коммерциализация - абсурд. В Туркменистане ни музеи, ни театры не в состоянии сами содержать себя по причине их крайне низкой посещаемости, что уж говорить о библиотеках или затерянных в пустыне архитектурных памятниках. Однако, финансируя культуру не по пресловутому "остаточному принципу", государство может способствовать ее развитию только при том условии, что не станет задавать оставшимся профессионалам векторы их деятельности, не будет вмешиваться в творческую жизнь и поощрять одни направления и виды, оставляя без внимания другие. Впрочем, очевидная утопичность подобных требований не оставляет шансов на то, что данное государство способно сыграть какую-либо роль в продвижении культуры».

8. Системная слабость власти, её неспособность к идеологической, политической и финансовой интервенции ставит вопрос о возможности существования и развития культуры в регионе в виде децентрализованной модели. Отдельные удачные примеры – как узбекский театр «Ильхам» – показывают, что культурные институты могут выживать и совершенствоваться без поддержки государства, развивать институциональную среду вокруг себя и становиться точками формирования культурных авторитетов и иерархий, т.е. собирания культуры. Насколько жизнеспособны такие формы в отдалённой перспективе и насколько они могут захватывать широкий круг людей – пока неясно. Тенденции усиления государственного контроля и изменения приоритетов у правящей элиты в сторону ещё более примитивных культурных вкусов несут множество рисков для подобного рода модели. Конечно, эти риски неравномерно распределены по разным странам региона и децентрализованная модель выглядит более реальной для Казахстана, Кыргызстана или Таджикистана нежели чем для Узбекистана и Туркменистана.
9. Явный или неявный пессимистический взгляд на ситуацию в Центральной Азии, который присутствует в предыдущих пунктах, – это не окончательный приговор, а всего лишь попытка обратить внимание на ряд острых проблем и негативных тенденций, это приглашение к переосмыслению нашего отношения к происходящим в регионе процессам, предложение ещё раз обсудить программы и планы, которые здесь можно и нужно реализовывать. Существуют некоторые тенденции, которые могут переломить негативный характер развития культуры. К ним можно отнести усиление глобальных процессов – миграции, туризма, развития средств информации и коммуникации. Кроме того, как выразился в беседе один из экспертов в Кыргызстане, в центральноазиатском обществе имеется «большой дефицит событийности вообще и культурной в частности», что стимулирует интерес людей разного социального уровня к восприятию любых новшеств.

Государства Центральной Азия, несмотря на все свои проблемы, остаются важной частью мирового сообщества, членами ООН, ОБСЕ, других международных организаций, частью русскоязычного (а значит западного в широком смысле слова) пространства. Отмеченные выше глобальные процессы и советское наследие пока ещё удерживают регион в сфере западного, европейского, российского влияния (несмотря на серьёзные противоречия между Россией и Западом, обе эти силы имеют во многом общие цели в культуре). Это означает, что международное сообщество, международные организации должны присутствовать в Центральной Азии, влиять на власти, на элиты и на местное общество, использовать имеющиеся инструменты и возможности для того, чтобы переломить негативные тенденции и сохранить их в пространстве активного культурного взаимодействия и взаимообмена.

Рекомендации (в качестве приложения)

Переход от общих и порой схематичных рассуждений к рекомендациям, которые предполагают другую степень ответственности и более пристальный взгляд на практические меры и действия, всегда выглядит рискованным и самонадеянным. Вряд ли в силах одного эксперта, каким бы объёмом информации он не обладал (а существуют ли эксперты, которые знают всё?), смело раздавать советы и по разным странам, и по самым разным темам. Тем не менее, без некоторых рассуждений о возможных принципах практических действий в сфере культуры и искусства, видимо, не обойтись – того требует строгий жанр «аналитической записки».

1. Which local organizations in the region represent the most significant potential cultural actors of development and change? What are their aims, and what have they achieved to date? What is the most useful way that international NGOs could help them achieve their mission?

На мой взгляд, акцент должен быть сделан на долгосрочных проектах с институтами и организациями, которые уже имеют материальную базу, штат сотрудников, свои культурные программы, дополнительные источники финансирования, сложившийся круг партнёров и потребителей. Это могут быть университеты, музеи, театры, библиотеки, редакции журналов – точно выбранные как в столице, так и в регионах. Им можно было бы помочь установить партнёрские отношения с коллегами из других стран, с частным бизнесом, включить их в несколько международных проектов. Им можно было бы помочь сформировать программу взаимодействиями с местными региональными учреждениями культуры, для которых они могли бы стать ведущими организациями и спонсорами. Как сказал анонимный чиновник из Министерства культуры Таджикистана, «Международные организации должны обратить внимание на выделение крупных инвестиционных проектов, которые имеют не тактический, а стратегический характер. Например, это может быть связано с книгоиздательством, книжного распространения, циркового искусства и т.д. К сожалению, международные организации предлагают маленькие гранты, которые не только не дают реальных результатов, а, напротив, в некоторых случаях дезорганизуют культурные структуры». Здесь же я приведу ещё одну длинную

цитату из интервью с одним моим корреспондентом из Казахстана: «Я работала в международной организации и знаю, что, может быть, только одна десятая «культурных» проектов, на которые выделяются деньги, дают еще какой-то результат, кроме перераспределения тех самых денег. Другими словами, в несколько завуалированной форме это был просто заработок для многих творческих работников. Это-то не так страшно, но все же печально, когда книга, выпущенная на средства международной организации, гниет в подвале (потому что фонд не может заниматься бизнесом, а значит – и распространением), когда на спектакль, поставленный на деньги МО, почти никто не приходит, когда семинары и школы ничего, кроме (весьма впрочем полезного) общения не дают участникам... Боже упаси, не хочу никого обидеть, я знаю по собственному опыту, как важна работа подобных организаций... Но, на мой взгляд, основная цель таких МО – все же демонстрационная. Деятельность их призвана показать обществу (а не государству!) возможности и силу общественных организаций, будь то профсоюзы или благотворительные фонды. Когда общество это поймет, оно само начнет организовываться по этому принципу и активно влиять на политику государства... Так я думаю... В любом случае, деятельность международных организаций в названных странах сегодня необходима. Но хотелось бы, чтобы они действовали менее формально... Хотелось бы, чтобы грантовые проекты не превращались в кормушку для немногих избранных, умеющих ловко подстроиться под главные направления деятельности того или иного фонда (например, поддержка исключительно современного искусства), ловко сформулировать миссии и задачи, ловко составить удобный бюджет». Это довольно распространённая точка зрения в регионе.

2. How can policy changes in the domain of culture be instigated? Is direct collaboration with state organizations an option, and if so, in what areas? What is the likelihood that policy can be influenced through such partnerships? If this is unlikely, what intermediaries might serve as effective partners?

Сотрудничество с государством (министерствами, образовательными и академическими учреждениями, региональными органами и пр.) является одним из желательных, хотя и рискованных условий для реализации культурных программ. Смысл такого сотрудничества состоит в том, чтобы вовлекать государство в культурные процессы, восстанавливать с его помощью инфраструктурные основы культуры, расширять кругозор чиновников и изменять их идеологизированные представления о значении культуры. Желательно, однако, чтобы такое партнёрство не имело характер финансовых отношений и заключалось скорее в создании совместных экспертных советов, редакций, конкурсных комиссий, совместных групп по разработке новых культурных проектов, проведении семинаров и конференций. Имеет смысл продвигать паритетное (или многостороннее – с участием частного бизнеса или третьих стран) финансирование тех или иных мероприятий и инициатив. Наиболее вероятное направление такого сотрудничества – проведение государственных и общецентральноазиатских конкурсов в различных областях культуры и искусства.

3. How can art be used to create not only a cultural space but a political space in which controversial policy issues can be openly debated? What kind of projects could most effectively support attempts to fortify the role of art as social critique?

Искусство в Центральной Азии никогда не играло самостоятельной политической роли и очень редко выступало в качестве социального критика, в отличие от Запада и России. Оно в большей мере носило просветительский и статусный характер. На мой взгляд, необходимо восстанавливать и поддерживать в первую очередь именно эти функции. Проекты должны носить больше образовательный характер, помогать делать карьеру, повышать квалификацию, они должны давать новую и полную информацию об истории искусства, современных направлениях и жанрах, о тенденциях развития культуры. Эффективными проектами в этом направлении могли бы быть, в частности, создание общерегионального литературно-публицистического журнала и интернет-портала, к которым имеется доступ у всех стран Центральной Азии. Больше забот требуют проекты, связанные с комплектованием литературой библиотек, не только столичных, но и региональных, а также университетских, развитием специализированных (тематических) собраний литературы и инфраструктуры межбиблиотечного обмена. Заслуживают внимания проекты создания электронных библиотек, доступных через интернет. Заслуживает внимания, в частности, опыт Библиотечного консорциума (БИК), созданного в Кыргызстане, его инициативы и довольно последовательная работа отражаются на состоянии университетских библиотек, способствует внедрению инновационных технологий, переводу в электронную форму части библиотечных ресурсов, БИК успешно сотрудничает с районными библиотеками.

4. What strategies might be developed to help transform state-sponsored representations of cultural heritage and patrimony away from bombastic nationalism toward more nuanced forms that offer multiple perspectives?

Не существует каких-то однозначных рецептов и мер для того, чтобы расшатать национализм и заменить его более гибкими и плюралистическими представлениями. Особенно трудно изменить государственную националистическую парадигму, принятую во всех странах Центральной Азии в качестве официальной идеологии. Наиболее эффективными стратегиями здесь могут любые виды совместной деятельности – в рамках всей Центральной Азии или более широких международных связей. Они должны включать в себя элементы диалога, обсуждения, перемещение из одного региона в другой, привлечение массовой аудитории и средств информации. Это могут быть регулярно действующий форум деятелей культуры, совместно изданные книги, альбомы, совместное производство фильмов и т.д.

5. What is the status of minority cultural streams in the nations of Central Asia? How are they represented in the spheres of expressive culture, spiritual culture, and material culture?

Национальные миноритарные общины в Центральной Азии, как правило, институционализированы и имеют какое-то финансирование как со стороны государств (а также частного бизнеса), в которых живут, так и со стороны тех стран, с которыми они ассоциированы. В этом смысле угрозы исчезновения культуры (если понимать под ней фольклорные формы деятельности) этих меньшинств нет. Более сложным является вопрос интеграции представителей этих меньшинств в общество и в публичную жизнь, минуя формальные национальные институты, поскольку существует множество языковых и

поведенческих барьеров, которые разделяют этнические группы между собой. В советское время эта задача решалась национальными квотами, с помощью которых меньшинства получали доступ к образованию и управлению. Возможно, сегодня необходимо воссоздание похожей системы «позитивной дискриминации» как на уровне государства, так и в сферах, где действуют международные организации, – это может быть условие обязательного представительства различных этнических групп (не только больших и влиятельных, но и меньшинств) в различных проектах и институтах, которые финансируются международными фондами.

6. What opportunities exist for arts managers, presenters, scholars, entrepreneurs, and other professionals to develop their careers? To what extent has cultural tourism been developed as an economic resource? How do artists engage with other social and economic sectors of society?

Сфера культуры в Центральной Азии имеет множество проблем – от финансовых до статусных. Повышение финансирования автоматически не ведёт к её развитию и расцвету. Кроме денег стоит также вопрос о создании и сохранении культурных школ, традиций, институтов. Например, туризм, будучи сегодня одним из источников финансирования культуры, часто несёт с собой упрощение и коммерциализацию культурной деятельности, приспособленной к комфорту и взгляду на местную культуру как экзотику. Это же касается перспектив взаимодействия культуры с местным частным бизнесом, который своими деньгами может не только создавать, но и разрушать культурные ценности и школы, заменяя их недолговременными и облегчёнными культурными проектами. Более целенаправленное сотрудничество международных организаций с представителями среднего и крупного бизнеса должно показать им важность культуры в развитии экономики региона, необходимость вкладывать средства в долгосрочные культурные проекты и институты, создание культурной инфраструктуры.

7. What evidence exists of regional collaboration and networking activities among arts professionals across country borders?

В Центральной Азии в различных сферах культуры проводится целый ряд совместных мероприятий – фестивалей, гастролей, выставок, обмен опытом в мастер-классах и т.д. Деятели из региона представлены также на разного рода международных форумах и сетях. Такая деятельность или участие в них имеют государственную поддержку, многие финансируются международными организациями и третьими странами, отдельные виды обмена и сотрудничества происходят на инициативной основе. Такого рода мероприятия и сетевые межстрановые проекты заслуживают внимания и поддержки – задача должна состоять в расширении круга их участников за счёт различных социальных и этнических групп, разных регионов и сельской местности. Я обратил бы также пристальное внимание на деятельность центральноазиатских диаспоральных общин за пределами самой Центральной Азии, поскольку их роль и влияние на центральноазиатское общество возрастает.

8. What are the key needs articulated by artists and arts managers who work in autonomous or quasi-autonomous cultural organizations? How do their priorities compare with those articulated by state ministerial officials?

Культурные деятели говорят о потребности в инфраструктуре – непрерывный цикл образования и повышения квалификации по различным, в том числе вспомогательным, специальностям, доступ к информации и участию в международных мероприятиях, развитие современной материальной базы – издательства, сцены и реквизиты, художественные мастерские, залы и инструменты для репетиций и т.д. Мало кто обращает внимание на какие-то цензурные ограничения или идеологические рамки, которые выставляет власть для культурных проектов. Министерские чиновники же формулируют свои приоритеты неопределённо, ссылаясь в основном на необходимость сохранять «национальную культуру» и жалуясь на недостаток средств. Я думаю, что существенных противоречий между государственными чиновниками и культурными деятелями сегодня не существует. Проблема заключается скорее в том, что те и другие оторваны от основной массы населения и выражают групповые интересы и взгляды, механизмы взаимодействия их с обществом потеряны или ослабли. Нужен постоянный диалог не только деятелей культуры и чиновников, но диалог их с обществом, с его различными группами и слоями. Нужно, чтобы деятели культуры и чиновники слышали отклики тех людей, которые потребляют культуру и идеологию. Международные организации могли бы способствовать налаживанию такого диалога, создавать для него пространство – в виде интернет-сайтов, журналов, разного рода форумов, работы совместных экспертных групп по тем или иным проблемам и т.д. Вряд ли я могу предложить какие-то совершенно новые виды таких проектов. Скорее моя рекомендация состоит в том, чтобы сделать деятельность этих проектов более открытыми, более публичными, более массовыми, более разнообразными по составу участников.

9. Where, and to what extent, can one find innovative, interdisciplinary and risk-taking art projects; especially those which lack adequate institutional support in Central Asia; of any genre, such as contemporary dance, digital arts, etc.

Инновационные культурные проекты, безусловно, достойны внимания и поддержки, поскольку та часть современной культуры Центральной Азии, которая возникла из смешения русских, европейских и местных традиций, всегда испытывала острый интерес к любым инновациям как способу утверждения своей самостоятельной культурной идентичности. Особое внимание следует обратить на студенческую среду, которая наиболее восприимчива к инновациям и может стать их транслятором в другие социальные группы. Однако надо понимать, что сегодня аудитория для таких проектов крайне небольшая и имеет целый ряд отличительных особенностей с точки зрения места проживания, образования, возраста и даже этничности. Такие проекты найдут заинтересованную поддержку в столицах и больших городах, но вряд ли вызовут энтузиазм у массового, обычного жителя региона. Как выразился казахстанский книгоиздатель, её цель – «давать читателям настоящие талантливые и профессионально сделанные тексты независимо от политики, бизнеса, национальных, расовых, гендерных интересов, политкорректности, внутрицеховых интриг. Такие издания (о чем говорит весь опыт мировой истории) всегда малотиражны и обречены на скорую гибель, поскольку

находятся как бы в безвоздушном пространстве, они «ничьи», не обслуживают интересы ни чиновников, ни олигархов, не служат инструментами для выкачивания рекламных денег и накачивания чьих-то рейтингов, не служат даже имиджевым целям политиков и поэтов. Это – чистое искусство, искусство для немногих избранных, но ни в коем случае не элитарное, ибо элитарное искусство как раз весьма адаптировано к нуждам любой современности. Я считаю, что надо давать людям возможность просто – без всяких расчетов и «пиара», без денег и интриг – окунуться в литературу. Пока у меня будет возможность это делать, я буду выпускать «Книголюб». Заранее зная, что он обречен на малую известность и скорое забвение».